

Песня на двоих

Автор:

Оксана Панкеева

Песня на двоих

Оксана Петровна Панкеева

Хроники странного королевства #8

Когда два кавалера добиваются любви дамы – это выглядит красиво только в романах. На деле же такая ситуация не доставляет даме никакой радости, одни проблемы и огорчения. А если кавалеры к тому же горячие мистралийцы, да если еще выясняется, что их смертельная вражда началась много лет назад и вовсе не женщина была тому причиной...

Когда битва идет за любовь, женщина еще может сказать свое слово. Но когда речь идет о чести – компромисс невозможен.

Оксана Панкеева

Песня на двоих

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Город трудился и не подозревал, что Колобок уже включился в поиск. А если он включался, выключить его не мог уже никто.

Э. Успенский

Квартира Ольги и прежде напоминала проходной двор, а теперь, когда круг знакомств девушки стал еще шире, к ней чуть ли не каждый вечер кто-нибудь забредал. Развеселые близнецы, тоскующий по родине Гарри или Зинь, которая перебралась в одну из верхних комнат, когда у Ольги появился кавалер, а у нее самой – собственный постоянный заработок. Обычно Ольга рада была видеть как старых друзей, так и новых, но иногда их визиты были неуместны до такой степени, что появлялось желание сказать об этом прямо.

Как раз в этот вечер она предпочла бы обойтись без гостей. Все, что касалось пошлого «любовного треугольника», возникшего с неожиданным появлением Диего, она предпочла бы не обсуждать вообще или хотя бы не выносить разговоры за пределы этого треугольника. А именно сегодня ситуация сложилась особенно некрасивая. Конечно, Ольга не надеялась, что два мистралийца, влюбленных в одну и ту же девушку, поведут себя благородно и станут друзьями, но все же ожидала от обоих хотя бы минимальной терпимости. Так нет же! Диего и Артуро невзлюбили друг друга с первого взгляда. Несколько дней они ограничивались высказываниями друг о друге за глаза, а сегодня, стоило лишь посадить их рядом, взаимная неприязнь обрела материальное выражение. Мало того что эти мистралийские бойцовые петухи за пять минут умудрились наговорить друг другу гадостей и подраться, – гораздо хуже, что все шишки достались именно тому, за кого она в данный момент беспокоилась больше. Нет, конечно, она не хотела ничего плохого ни одному из достойных кавалеров. Каждый из них был хорош по-своему, каждого она уважала и каждому сочувствовала. Но получилось так, что именно Артуро сегодня пострадал со всех сторон. В глаз получил, извиняться заставили, да еще и в профессиональном смысле такое унижение! Наверное, маэстро действительно его активно не любит. Иначе чем объяснить тот факт, что для Артуро не нашлось

даже самой завалященькой роли, в то время как Диего, непрофессионал с больной головой, с ходу получил довольно значительную? Пусть этот оркшаман – персонаж отрицательный, но роль есть роль, какая бы она ни была. Диего выглядел так, будто у него сейчас крышу сорвет от неожиданного счастья. А вот как перенес такой удар Артуро, лучше и не представлять. Пусть маэстро и прав, утверждая, что «парень элементарно не знает, куда девать руки, когда в них нет инструмента». Пусть застенчивый маэстро Тарьен, которого взяли на главную роль, лучше умеет и двигаться, и говорить при равных вокальных данных (кто бы мог подумать, что этот тихий парнишка может так громко петь!). Но ведь Артуро не полная бездарь! По крайней мере, голос-то у него есть, и поет он не хуже! Ведь свободные роли еще остались! Зачем было так грубо и безжалостно заявлять в глаза, что ему нечего делать в театре?!

Теперь Ольге было ужасно неудобно перед Артуро, она чувствовала себя виноватой и пыталась как-нибудь утешить беднягу. Однако для утешения Артуро она вовсе не намеревалась в чем-то упрекать Диего, а обиженный возлюбленный так и норовил повесить на соперника всех собак. Разговор получался крайне неприятный, и присутствие при нем гостей только усугубило бы ситуацию. Но, как назло, гости все-таки явились. И не какие попало, а лично его величество с обоими своими кузенами! Угораздило же Ольгу дать когда-то Мафею ориентиры новой квартиры! Нет, она, конечно, всегда была рада видеть короля, но как раз сегодня его визит оказался несколько некстати. Сейчас его величество как расспросит обо всем да как изволит высказать свое видение ситуации... Зная его взгляды на жизнь, можно не сомневаться, что беднягу Артуро ждет еще одно унижительное поучение. Как будто с него не достаточно хотя бы на сегодня!

– Мы не помешали вашему уединению? – поинтересовался король, словно всерьез предполагал какие-то возражения. – Извини, я думал, что ты одна. Кажется, дон Артуро в этот час должен быть на работе.

– Заболел? – сочувственно предположил Элмар, созерцая несчастного прогульщика, полулежащего в кресле с компрессами на лице.

– Раз уж так вышло, – продолжал король, – представь нас. Кажется, только я еще не имел чести лично познакомиться с твоим новым избранником, и это досадное упущение давно следовало исправить.

– Ой, конечно же... – спохватилась Ольга. – Я бы сразу, но я ж не знала, захотите ли вы представляться... Артуро, познакомься с его величеством...

Если бы в этот момент кто-то плеснул хворающему маэстро кипятку за шиворот, скорость, с которой тот сорвался с кресла, все же была бы меньшей. Взаимные расшаркивания и уверения в несказанной радости от знакомства прервал бестактный вопрос простодушного варвара, увидевшего грандиозный синяк, до этого момента скрытый компрессом.

– Ух ты! Где это ты так?

Артуро слегка замялся, а догадливый король чуть усмехнулся и вежливо предположил:

– Дай-ка я попробую угадать. Ты додумалась оставить их с Кантором наедине?

– Какое там наедине! – вздохнула Ольга. – При куче народу!

– На кой тебе понадобилось ссориться с Кантором? – так же простодушно спросил Элмар. – Ты что, сразу не мог сообразить, чем это кончится? Сам не видел, что у тебя никаких шансов и что он тебя сделает за один удар?

Артуро горько усмехнулся, опускаясь в кресло.

– Разумеется, я все это видел и не стал бы заводиться. Но и он тоже прекрасно сознает свои преимущества, чем не погнушался воспользоваться.

– Вот не надо опять делать из него виноватого! – вмешалась Ольга. – Ты его оскорбил, и это слышали.

– Однако почему-то никто не поинтересовался, что сказал мне он. Или ты тоже думаешь, что я ему нахамил без причины, ни с того ни с сего? Я всего лишь хотел завести разговор. Познакомиться, поговорить по-человечески. А он стал надо мной насмехаться. Что, я должен был молча утираться и терпеть его издевки? Так, слово за слово...

– ...Обмен шпильками постепенно перешел в более грубую форму, – подхватил король, – и, сами того не ведая, вы зацепили какую-то из болевых точек оппонента. Насколько мне известно, их у Кантора три. Обидеть кого-либо из дорогих ему людей вы никак не могли, так как никого, кроме Ольги, не знаете, а она дорога и вам. Остальные две общеизвестны и являются вопросом чести для любого мистралийца. Для вас в том числе, хотя вы и провели много лет вдали от родины. Следовательно, прохаживаясь на сексуальные темы, вы не могли не понимать, какое оскорбление наносите собеседнику и как он на это отреагирует. Ведь поединок с целью доказать свою правоту не входил в ваши планы?

– В мои планы вообще не входило с ним ссориться. Он перешел на оскорбления первым. Никогда не понимал эту дурацкую традицию драться за каждое слово, сколько себя помню, она меня возмущала. Кто сильнее, тот всегда прав. Ему, получается, можно оскорблять, клеветать, говорить в глаза гадости, а едва только я посмел на это ответить – получил по морде, и меня же еще извиняться заставили.

– Что ж, в другой раз правильно рассчитывайте силы, – сочувственно посоветовал король. – Если вам столь противно примитивное рукоприкладство, следовало высказываться тоньше. Или же оборвать ваш обмен шпильками прежде, чем дошло до откровенных оскорблений. Я понимаю, не имея возможности достойно подраться, вы хотели хотя бы в словесном поединке доказать свое превосходство, но надо чувствовать границы. К тому же, насколько я знаю Кантора, язык у него острее ножа, и у вас все равно не было шансов переспорить этого скандалиста.

«Пожалуй, даже хорошо, что его величество сегодня зашел, – подумала Ольга, слушая эти в высшей степени разумные рассуждения. – У меня бы не получилось так складно объяснить Артуру, в чем он был неправ».

Потерпевший безнадежно развел руками.

– Да я это все понимаю... И все вы правильно говорите... Но – не сдержался. Вспылил. Завелся. Я ведь тоже мистралиец... Как обидно и противно, что правота определяется лишь с точки зрения силы!

Возможно, его величество привел бы еще какое-нибудь поучительное рассуждение, но тут черти дернули за язык Элмара, который до сих пор молча

слушал и недовольно морщился.

– Я сильнее Кантора, – вдруг громко и довольно резко заявил он. – Стоит ему один раз не успеть увернуться от моего кулака, и он неделю не встанет, если вообще жив останется. Если же выставить его против меня с мечом в руках, то у него и вовсе не будет ни малейшего шанса. Но если бы вдруг мы поссорились и я сказал ему что-то обидное, если бы для него встал вопрос – драться со мной или молча снести оскорбление... Он не стал бы рассуждать о несправедливости жизни и требовать особого подхода к своей персоне. Он бы просто дрался. Со мной. Невзирая на то что у него нет шансов.

– Так уж и нет, – проворчала Ольга, но только для того, чтобы хоть что-то возразить.

Элмар в своем репертуаре – наглядно и доступно... Вот только с тактичностью сегодня не получилось.

Король отвлекся от набивания трубки и заметил:

– Не имеет значения, пример все равно был исключительно теоретическим. Элмар лишь хотел обратить наше внимание на такой нюанс, как сила духа. Это тоже играет свою роль, хотя и не всегда может компенсировать недостаток силы телесной.

– Так что, вы хотите сказать, что я должен был драться?

Элмар холодно пожал плечами.

– Это твое дело, и только твое. Ни ты, ни Кантор, ни я никому ничего не должны в таком вопросе. Только себе.

– Воины всегда трепетно относятся к вопросам чести, – опять заметил король сквозь зажатую в зубах трубку. – Жизнь за нее положить готовы. Но я все же предпочитаю разум, здравый смысл и дипломатию. Что скажут маги?

Мафей нахмурился и изрек:

– Я всегда говорил, что не надо откладывать боевую магию до совершеннолетия. Все равно начинать драться приходится раньше. А этого мертвого гада я все равно найду и убью.

Высказался, называется. Кому что, а лысому бантик...

– Достойная цель в жизни – лучший стимул к развитию и совершенствованию, – прокомментировал Шеллар III и с любопытством уставился на расстроенного и подавленного барда. – Вот у вас, маэстро, есть какая-нибудь великая цель?

– У любого барда есть такая цель, – помрачнел Артуро. – Я в этом неоригинален.

– То есть успех? Признание публики, слава, материальное благосостояние, цветы, аплодисменты?

– Примерно так. А другой цели у барда быть не может. Бескорыстное творчество не может быть целью, оно и так общедоступно. И даже у такого творчества, если покопаться, конечной целью все равно окажется признание. Каждый бард глубоко в сердце своем жаждет, чтобы как можно больше людей разделили те чувства, те движения души, тот трепет вдохновения, которые он вложил в песню, картину, стихи. И я тоже хочу, чтобы меня слушали.

– Да-а, – сочувственно протянул король. – Трудно добиться признания, скитаясь по чужим краям, тут вам, конечно, не повезло. А у вас не возникало желания вернуться на родину? Там теперь спокойно, репрессий можно не опасаться, а публика может оказаться более благосклонной...

– Но ведь Ольга со мной не поедет, – тоскливо вздохнул Артуро.

– Это верно, такой шаг был бы крайне неразумным с ее стороны. А если б она была не против, вы бы поехали?

– Пожалуй, все равно не поехал бы. На что я могу рассчитывать в Мистралии, когда убийца моего отца стоит у трона и дает советы королю...

– Это который?.. – Его величество наморщил лоб, словно что-то пытался вспомнить. – Ах, вы имеете в виду первого советника? Ну, тут, конечно, ваш

покойный родитель вам здорово подгадил, ничего не поделаешь. Никто не спорит, что охотиться за этим господином требовалось по долгу службы, но зачем же было вешать его беременную жену? Это уже явное излишество, такие поступки портят репутацию и вызывают негативное отношение даже у людей нейтральных. А политическое противостояние превращается в личную вражду. Да, сглупил ваш покойный батюшка с этим делом, здорово сглупил. Некрасиво, непрофессионально и недостойно, я бы сказал.

Почему-то Артуро не стал возражать и объяснять, что после свержения Лиги Закона и Порядка их семью безнаказанно поливают все кому не лень. Наверное, постеснялся королю перечить. Поэтому Ольга поспешила высказаться сама:

– Ваше величество, да разве это правда?

Король неожиданно шустро развернулся в кресле и одарил сомневающуюся подданную своим фирменным острым взглядом в упор.

– Ольга, а с чего ты вдруг решила, что это неправда? Я похож на придворных дам, собирающих сплетни от нечего делать? Все, что касается подобных вопросов, я в свое время обязан был знать как заместитель главы департамента. Если не веришь, могу показать документальные свидетельства. Впрочем, какая тебе разница? Насколько я могу судить, маэстро ничуть не похож на покойного отца. Он абсолютно другой человек, и не следует проводить между ними какие-то параллели. И совершенно напрасно он так расстраивается. Неужели ты станешь думать о нем хуже только из-за неподобающих родственников, давно покойных к тому же?

Ольга не ответила. Она ждала, пока Артуро скажет хоть что-нибудь. Объяснит как-нибудь, где тут правда, в конце концов. Наедине с Ольгой он был очень убедителен, а королю почему-то возражать не решается. Скорее всего потому, что его величество действительно знает точно и, начни с ним спорить – и документы принесет, и еще парочку неприглядных историй припомнит. Точно так же обыденно, как будто речь идет о мелком служебном проступке, попеняет, что пить кровь младенцев некрасиво и непрофессионально. А потом с повышенным дружелюбием добавит, что лично собеседника это все не касается...

Артуро горестно вздохнул и поежился, словно от холода.

– Я никогда не знал точно, правда это или нет. Но хотелось верить, что все-таки нет. Так легче было жить. Слышать жестокую правду всегда больно, с какими бы благими намерениями они ни была сказана.

– Жить иллюзиями глупо, – поморщился король. – Еще глупее – создавать их себе. Давайте оставим неприятную для вас тему. Кажется, до того как речь зашла о Мистралии, мы обсуждали нечто более возвышенное. Ах да, что такое счастье барда и как его достигнуть.

– Ой, ваше величество, – спохватилась Ольга, – эта тема тоже не очень... В смысле достижения... У Артуро сегодня был неудачный день во всех отношениях, и в этом тоже. Маэстро Карлос обошелся с ним очень нехорошо...

– Он нарочно это сделал! – не сдержался обиженный бард. – Он меня ненавидит и не упускает возможности втоптать в грязь!

– Да не преувеличивай!

– Я тебе говорю, он нарочно пригласил меня на прослушивание, чтобы поиздеваться! А брать меня на работу у него и в мыслях не было! И Кантора он взял тоже нарочно, чтобы сильнее меня унижить! Для чего еще ему могла понадобиться такая бездарность?

– Делать больше нечего маэстро Карлосу, – рассердилась Ольга. – Ночами не спит, об одном думает – как бы тебя посильнее унижить! А бездарность он бы не взял ни по блату, ни из личных симпатий, не говоря уж о мифическом унижении маэстро Артуро! Не выдумывай! Просто день сегодня такой нескладный.

– Кантор отнюдь не бездарность, – вежливо заметил король. – С чего вы взяли?

– Извините, но вы-то откуда знаете? – не удержался Артуро и тут же получил подробное обоснование.

Его величество немедленно поведал присутствующим несколько историй о темном прошлом товарища Кантора и о чудесах маскировки, которыми тот прославился. Из рассказов его величества следовало, что Кантор неоднократно переодевался в самых разнообразных представителей мистралийского общества

и в каждой роли был настолько убедителен, что его истинное лицо обнаруживалось только после очередного трупa. По мнению его величества, вся эта уголовщина свидетельствовала о выдающихся актерских способностях. По мнению Артурo – о подлости и низости Кантора, который бессовестно попрекал его папиным прошлым, хотя у самого руки в крови по локоть. Шеллар III с истинно дипломатическим тактом заключил, что одно другому не мешает, и быстро перевел разговор на другую тему. Наверное, тоже заметил, что еще чуть-чуть – и Элмар опять выскажется.

– А поведaйте нам, маэстро, – поинтересовался король, – как случилось, что вы оказались в сундуке торговца древностями в столь плачевном и достойном сочувствия виде?

Артурo честно повторил историю о своей несчастной любви, но его величество, разумеется, не удовлетворился таким кратким изложением. Ох, не зря Диего так психовал всякий раз, как Шеллар изъяслял желание с ним побеседовать! Таки умеет его величество утомить собеседника.

Он немедленно заинтересовался личностью злодея, попутно разъясняя потерпевшему юридическую сторону дела и подсчитывая примерный размер компенсации, которую можно стясти с зарвавшегося мага, если подать на него в суд.

– Нет-нет... – окончательно стушевался несчастный потерпевший. – Я не могу, вы же понимаете, речь идет о даме... А насчет компенсации мы с мэтром давно договорились полюбовно. Конечно, она получилась намного меньше, чем вы упомянули, но мне хватило, чтобы обосноваться в Даэн-Риссе, купить новый инструмент, одежду, кое-какие нужные в хозяйстве вещи... И я больше не хочу возвращаться к этой истории. Все давно в прошлом. У меня новая жизнь, новые друзья и самая лучшая в мире девушка.

– А в отдаленном будущем, вероятно, собственный дом и пара симпатичных детишек? – хитро подмигнул король.

– Если мне удастся уговорить Ольгу... – Артурo вдруг застеснялся, как девица на выданье. – Она почему-то решительно не желает...

– Ничего, созреет, – беззаботно улыбаясь, махнул рукой его величество. – Вам ведь тоже потребуется некоторое время, чтобы оформить развод...

Прежде чем Ольга успела переварить услышанное и заподозрить возлюбленного в коварной лжи, Артуро как ни в чем не бывало разъяснил ситуацию:

– Да я давным-давно разведен, и моя бывшая жена уже второй раз замужем.

– Да, но разве вы не утратили документы? Если вам даже инструмент пришлось покупать новый, вряд ли они уцелели. Восстановление тоже займет уйму времени и будет стоить хлопот и денег.

– Вот об этом я не подумал... – огорчился мистралиец. – А документ действительно будет нужен?

– Разумеется. Если бы о вашем первом браке никто не знал, возможно, его удалось бы просто скрыть. Но поскольку этот факт общеизвестен, документ придется восстановить. Самым простым способом было бы обратиться к вашей бывшей супруге, у нее наверняка есть копия.

– К сожалению, мы разошлись не слишком мирно, – помявшись, признался Артуро. – Моя незабвенная Росита даже не пустит меня на порог, не говоря уж о том, чтобы как-то помочь. Да и ее муж недвусмысленно угрожал пришить меня к ближайшему забору, если посмею появиться ему на глаза. Уж не знаю, что она ему наплела...

– Еще один способ, – ничуть не смутился король, – попытаться отыскать оригиналы. Возможно, вы не смогли как следует проследить судьбу своего имущества из-за стесненности в средствах. Если за дело возьмутся представители закона или воры-профессионалы, что-то может и проясниться. Мне ничего не стоит отрядить нескольких людей вам в помощь. Более того, мне всегда приятно оказать услугу Ольге. Скажите только, по какому адресу вы обитали и где следует начинать поиски.

Маэстро поломался для приличия и все-таки сообщил искомый адрес. Название города мало о чем говорило Ольге. Кажется, это в одной из восточных провинций, но точно утверждать она бы не взялась.

Почувствовав себя обязанным, Артуро вдруг вспомнил, что гостям до сих пор не предложили даже чаю. Ольга спохватилась и кинулась на кухню. Его величество запротестовал, уверяя, что никакого чаю гости не хотят, тем более если ради чашки чаю им придется лишиться общества Ольги, и вообще они ненадолго и скоро уходят. Артуро, зараза такая, под это дело опять поднял вопрос о прислуге...

Словом, настроение Ольге они общими усилиями испортили, и после ухода гостей они с Артуро впервые поругались. До выкидывания чемоданов с балкона, к счастью, не дошло, но осадок на душе остался пренеприятнейший.

Что же касается его величества, то он вернулся домой в отличном расположении духа и первым делом заявил, довольно ухмыляясь при этом:

– Ну что, дорогой кузен? Ты все еще не можешь понять, отчего маэстро Артуро так неприятен твоей нимфе?

– Чего я действительно никогда не мог понять, – сердито буркнул принц-бастард, – так это твоих дипломатических уловок. Каким коварством надо обладать, чтобы под видом сочувствия и расположения обосрать человека с головы до ног и показать всем сомневающимся, что он трус и обманщик!

– Ты лучше руки иди помой, – ехидно посоветовал король. – Если они у Кантора по локоть в крови, то тебе, пожалуй, целиком искупаться надо...

– Перестань насмехаться! – огрызнулся Элмар. – Все я понял, и нечего потешаться над моей доверчивостью! Если мы с Мафеем тебе больше не нужны, то я хотел попросить его отправить меня в Ольгину старую квартиру. Хочу повидать Диего. Пообщаться с нормальным человеком после всей сегодняшней грязи.

– погоди, – засмеялся Шеллар. – Сейчас я еще выслушаю Мафея, и отправимся все вместе. Мафей, я весь внимание.

Юный принц, успевший уже пристроиться на спинке ближайшего кресла, задумчиво взъерошил свою серебристую копну и неуверенно изрек:

– Ты понимаешь... Какая-то ерунда получается. Обычно я, как и все эльфы, могу почуять, когда меня обманывают. А все, что говорит Артуро, кажется правдой. Когда ты начинаешь разъяснять и логически расставлять все по местам, только тогда я начинаю разумом понимать, что так не может быть, значит, человек врет. А эмоционально все равно воспринимается как будто правда.

– А магически?

– А что – магически, я же не эмпат и не менталист... Может, лучше бы его специалист послушал? Орландо, например, или метресса Джоана? Я-то не очень в этом разбираюсь, я только на чутье могу. А чутье у меня сбивается. Мне все время хочется ему верить.

– Почему? Какие могут быть причины? Подавляющее обаяние? Амулет? Заклинание? Эмпатия?

– Скорее всего, амулет или заклинание. На нем что-то есть, но не по моей специальности, поэтому я точно определить не могу.

– Хм... Давай попробуем определить, насколько сильно влияет этот магический фактор на восприятие слушателей. Я, например, ни минуты не сомневался, что маэстро Артуро безбожно врет. Когда речь шла о его покойном отце и о проблеме развода, я заранее обладал информацией, и заставить меня поверить в противоположное было бы затруднительно. Никакая магия не заставит меня поверить во что-либо противоречащее логике и фактам. Но в романтическую историю с ревнивым магом я тоже не поверил, хотя никаких сведений, опровергающих эту историю, у меня нет. Следовательно, на меня этот фактор не действует.

– Пересмотри свои амулеты, – усмехнулся Мафей. – На тебе их целая связка, и ты сам точно не знаешь, который от чего. Скорее всего, какой-то из них и нейтрализует этот самый фактор.

– Возможно. Теперь рассмотрим тонкие чувства кузена Элмара. Вот скажи мне, кузен. До сих пор ты простодушно верил всему, что совал тебе за уши Ольгин кавалер. Как изменились твои впечатления сегодня?

– Произносить возвышенные речи, с которыми я не согласен, не лучший способ завоевать мое доверие, – проворчал Элмар. – Я увидел, что парень – трус. Что он даже не стыдится своей трусости, а находит ей этические обоснования, причем довольно шаткие. Конечно, пользоваться своим превосходством в драке для того, чтобы безнаказанно унижать слабого, бесчестно. Но пользоваться своей слабостью, чтобы безнаказанно унижать сильных, – равно бесчестно. Правильно сделал Кантор, что дал ему в рыло. Вот, кстати, еще и это. То самое, о чем говорил ты. Я хорошо знаю Диего. Я знаю, какой он, на что способен, какие у него есть достоинства и недостатки. Как ты выразился, заранее обладал информацией. Когда Артуро начал говорить о нем всевозможные гадости, я не поверил. Потому что знаю, какой Кантор на самом деле.

– Вот именно. Кстати, если ты заметил, и Ольга не поверила. Значит, магический фактор не настолько силен, чтобы заставить слушателя слепо верить в слова, отвергая очевидное. Это первое, и как раз поэтому ни ты, ни Ольга не изменили своего мнения о Канторе. Далее. Если слушатель сталкивается с чем-либо, что противоречит его убеждениям, загадочный фактор тоже не в силах заставить его поменять убеждения и согласиться. Это второе, и сюда как раз относится реакция Ольги на вопрос о прислуге. Пока Артуро сует ей фиалки о своем сомнительном прошлом и толкует о возвышенном, Ольга с ним во всем соглашается. Но едва заходит речь о необходимости нанять служанку, следует активное и даже агрессивное сопротивление, так как у нашей подруги имеется противоположное мнение на этот счет. Возможно, есть еще некоторые моменты, но сегодня я их не успел заметить. В целом все замечательно и восхитительно. Я доволен результатами. Адресок мы из маэстро выдавили, завтра я зашлю туда своих людей, чтобы поискали, кому из местных магов он насолил и чем именно. Да и дело Долгоносика надо будет еще раз поднять...

– Какого Долгоносика?

– А, ты не в курсе... Тот самый вор, который сдал почтенному Цыню эту зверюшку, весьма подозрительным образом скончался как раз тогда, когда Флавиус хотел пообщаться с ним на эту тему. Семья Шэ тут ни при чем, Цынь не стал бы так жестоко мстить поставщику за столь незначительную ошибку. Остается выяснить, имело ли место случайное совпадение или же «полюбовный» договор Артуро с неизвестным нам мэтром дорожке всех обошелся Долгоносику.

– То есть ты думаешь, что Артуро еще и доложил, кто его украл? – догадался Мафей. – А разве он это знал? Я имею в виду, мог он воспринимать окружающую

действительность, когда был зверюшкой?

– Это я у тебя хотел спросить.

– А я не знаю. Даже не слышал о таких трансформациях и могу только гадать, в какой школе это вообще возможно. Ты лучше его самого спроси.

– Чтобы он мне в очередной раз соврал? Лучше я спрошу магов постарше. Пока что мы имеем два варианта. Либо старый матерый мэтр, способный создавать собственные заклинания, либо неопытный ученик, не всегда знающий, что у него получится. Уже какие-то ориентиры имеются. Словом, все идет хорошо. А теперь можно и Кантора навестить. Кстати, Элмар, если тебе доведется общаться с Кантором без нас, не забывай, пожалуйста, что ему пить нельзя.

– Не маленький, – проворчал принц-бастард и придвинулся поближе к кузенам, чтобы влезть в телепорт.

Кантор валялся на кровати, безучастно уставившись в потолок, и меньше всего был похож на счастливого победителя. Выражение лица наводило на подозрения, что мистралиец как раз пытается высчитать грузоподъемность крюка от люстры.

– Вот те раз! – бодро воскликнул Шеллар, быстро окидывая взглядом комнату в поисках каких-либо фактов для размышления. – Что случилось? Мы пришли тебя поздравить, а у тебя такой вид, будто ты только что похоронил сразу дюжину любимых родственников.

– И откуда вы все знаете... – не особенно приветливо отозвался Кантор, поднимаясь, чтобы поздороваться. – Кто вам уже успел доложить?

– Мы только что были у Ольги, – пояснил Мафей, занимая давно облюбованную спинку стула.

Кантор помрачнел еще сильнее.

– Представляю, чего вы там наслушались...

– Хо! – злорадно ухмыльнулся мальчишка. – Это ерунда по сравнению с тем, чего наслушался твой соперник!

– Вы что, с ним поскандалили? – недоуменно приостановился Кантор. – Но зачем? Ольга наверняка на вас обиделась...

– Неужели ты так плохо меня знаешь! – укоризненно отозвался король, заглянув между делом в лежащие на столе исписанные листы. – Напротив, я ему посочувствовал. Проявил дружеское участие. Дал несколько полезных советов. Пообещал помощь. Словом, выказал всяческое расположение. Но при этом Элмар полностью потерял уважение к маэстро Артуро, Мафей прощупал его магически и сделал несколько полезных наблюдений, Ольга задумалась над некоторыми вопросами, на которые до сих пор не обращала внимания, а сам маэстро чувствует себя так, будто его окунули носом в отхожее место, и не может понять отчего.

Почему-то Кантор ничуть не утешился, а только еще больше приуныл.

– Ну хоть вы мне на мозги не капайте, а? Я и сам понимаю, что не следовало его бить. И не надо мне это объяснять такими заковыристыми иносказаниями. Без них тошно.

– Да, бить действительно не стоило, – согласился Шеллар, оглядываясь, словно что-то искал. – Я догадываюсь, что Артуро тебе сказал и почему ты не сдержался. Но все же тебе надо научиться контролировать себя в таких ситуациях. Послушай, Кантор, у тебя что, дрова кончились? Почему в комнате такая холодина?

– Я забыл... – неохотно отозвался мистралиец. – Есть дрова. Сейчас принесу. Чай будете?

– Вот что, – сказал вдруг король, в который раз оглянувшись. – Пусть Элмар принесет дров и затопит камин, а мы с тобой уединимся на кухне и займемся чаем. Мне нужно сказать тебе пару слов. С глазу на глаз.

Кантор молча кивнул, всем своим видом выражая покорность судьбе и полное безразличие к ее дальнейшим ударам. Похоже было, что мистралиец немного не

в себе. Раньше за ним как-то не водилось склонности валяться в сапогах на кровати и забывать о таких простых и насущных вещах, как отопление.

Войдя вслед за унылым товарищем в кухню, король в последний раз оглянулся на коридор, плотно закрыл за собой дверь и негромко произнес:

– А теперь я скажу тебе несколько очень обидных и неприятных слов. Для твоего же блага, кстати, так что тебе придется как-нибудь стерпеть и удержаться от истерики. Положи полено. Полено положи, говорю. Потом растопишь. Сядь за стол. Положи руки перед собой. А теперь слушай и не перебивай.

Король отошел от двери, переместился в угол, противоположный тому, где сидел Кантор, и продолжил:

– Однажды тебе случилось пережить худшее из возможных для мистралийца унижений. Не дергайся. Об этом известно очень ограниченному кругу людей, и никто из этих людей не опустится до того, чтобы делиться своими познаниями с кем-то посторонним. Твоей тайне ничто не угрожает, кроме тебя самого. Понимаешь ли ты, что, теряя разум из-за каждого оскорбления на эту тему, ты невольно привлекаешь внимание к проблеме? Тебе не приходит в голову, что на столь традиционные оскорбления люди обычно обижаются, требуют взять слова обратно, вызывают на дуэль, но не превращаются в одуревшее животное! Стоит тебе услышать несколько конкретных слов, и ты полностью теряешь контроль над собой. Любой мыслящий человек, заметив эту закономерность, сделает вывод: раз ты так болезненно реагируешь, значит, у тебя с этим делом и впрямь что-то не в порядке. А если это узнает враг, он с удовольствием будет при каждом удобном случае бить тебя по больному месту. Ты этого не понимаешь?

– Понимаю... – выдохнул Кантор сквозь стиснутые зубы.

– Так какого же ты, мать твою, продолжаешь тупо наступать на одни и те же грабли и каждый раз впадаешь в истерику? Только не рассказывай, что не можешь сдержаться и твоя ярость сильнее тебя. Я отлично знаю, что можешь.

– Но полено на всякий случай отобрали, – зло процедил Кантор.

– Я учитываю все варианты, – ничуть не смутился предусмотрительный король. – Однако прекрасно помню, что меня ты в аналогичной ситуации не ударил.

Значит, можешь себя контролировать, когда захочешь.

– Так вы мне и не сказали ничего... в той ситуации.

– Еще скажи, что ты на меня не обиделся. Ведь убить был готов, но все же сдержался. Если тебе нужно, ты вполне способен не сходить с ума. Срываешься ты только потому, что сам это себе позволяешь. Ты мог бы взять себя в руки, придавить и держать, но ты отпускаешь. А потом валяешься на кровати в глубокой депрессии и с ужасом представляешь, что будет, если Ольга, желая избежать инцидентов в будущем, объяснит своему Артуру, как нельзя с тобой обращаться и ПОЧЕМУ.

– Она ему сказала? – обреченно уточнил Кантор.

– Нет. И я принял все возможные меры, чтобы у них об этом даже речь не зашла. Но ты все-таки постарайся не повторять подобных глупостей. Просто смешно, честное слово. Любой удар удержишь не дрогнув, а пара нужных слов размазывает тебя всмятку.

– Давайте на этом закончим нравоучение. – Мистралиец нервно передернулся и начал медленно подниматься из-за стола. – А то я все-таки наверну вас поленом. Не из «слепой ярости», а так, для вашего же блага. Чтобы меньше язык распускали.

– Скажи еще, что я был с тобой излишне жесток и ты этого не переживешь, – хмыкнул король, усаживаясь за стол.

Кантор криво ухмыльнулся и отвернулся к плите.

– Переживу. Но если вы думаете, что мне стало легче от ваших нравоучений, то вы ошибаетесь.

– Легче тебе станет немного позже. Когда сам все осмыслишь. Но все же от мрачных предчувствий я тебя избавил?

– Как вы догадались?

– Что еще могло довести тебя до такого состояния?

– А, да что угодно. Сегодня вообще вечер какой-то дурацкий... Ни хрена не выходит, руки как грабли, две струны порвал...

– То, что я видел на твоём столе, это ноты?

– А вы думали – шифровки?

– Судя по каллиграфии, вернее, отсутствию оной, а также несметному количеству исправлений...

– Да, да, какой же вы зануда! Только не говорите никому! И так ни хрена не получается...

– Получится. Не паникуй и не дергайся. Всему свое время. А будешь ныть и жаловаться – сделаю придворным бардом.

Кантор, молча и не оборачиваясь, показал его величеству два пальца.

– Статья третья, пункт «вэй», – съязвил в ответ король и уже серьезно добавил: – Заканчивай с плитой, присаживайся, да поговорим о том, ради чего я, собственно, пришел.

– Так это было еще не все?

– Разумеется. Сейчас речь пойдет о вещах более серьезных, чем утешение депрессивных бардов, которое мне уже изрядно надоело за последние полгода. Скажи мне, Кантор, за вчерашний и сегодняшний день не попадали ли в поле твоего зрения люди, особенно женщины, которые искали бы знакомства с тобой?

– В субботу на вечеринке, – немедленно вспомнил Кантор, но его величество тут же перебил:

– Нет, после того. Та шикарная блондинка, которой ты пренебрег на упомянутой вечеринке, не в счет.

– Тогда нет.

– Значит, не наняли еще... – задумчиво пробормотал король.

– Кто кого не нанял?

– К твоему сведению, отвергнутая тобой блондинка – не кто иная, как Нита Галл, особа, широко известная в узких кругах. Наемница, специалист по приручению и дрессировке мужчин любого склада характера. В отличие от обычных соблазнительниц, которые пользуются только своей красотой и слабенькими дозволенными зельями, Нита обладает еще несколькими способностями. Прежде всего, ум, интуиция и знание психологии позволяют ей на основании короткой беседы создать полный психологический портрет собеседника. Но кроме того, у нее есть особое чутье. И не эмпатия и не телепатия, а просто такой вот дар – всегда знать, чего человек хочет. В сочетании с уже упомянутыми умом и красотой это страшная сила.

– То-то она удрала, как только я ее заподозрил... – проворчал Кантор, утешившись лишь единственным фактом – он вспомнил наконец, как эту красотку звали.

– Именно потому она и удрала. Увидела, что клиент не ведется на красоту, влюблен насмерть в другую женщину, убить для него – что высморкаться, да еще и заподозрил. Твоя способность привлекать к себе особ противоположного пола тоже не осталась незамеченной. Словом, раскусила тебя Нита, потому и удрала. Поняла, что ваши сверхъестественные привлекательности друг дружку нейтрализуют, а хочешь ты прежде всего заманить ее в тихое и темное место, чтобы проверить свои подозрения.

Кантор нахмурился.

– А вы точно уверены, что она не телепатка?

– Ее проверяли. Точно. Тем не менее можешь взглянуть, что она поведала нам о людях, с которыми общалась всего два раза и только по делу. – На стол перед Кантором легли старательно исписанные листы признания. – И сделай выводы.

Госпожа Нита Галл сообщала, что была нанята по специальности незнакомыми ей господами. Поскольку взять клиента под контроль не удалось по объективным причинам, контракт был разорван по ее инициативе. От оплаты консультации заказчики отказались. Далее шло подробное описание жадных заказчиков и все, что наемница могла о них сказать. Количество информации повергло Кантора в недоумение.

– Она с ними точно не спала? – поинтересовался он, переворачивая страницу.

– Нет. Она с ними только общалась, – нажимая на каждое слово, ответил король. – Ты видишь уровень? Ты представляешь, сколько она могла им сказать о тебе, если бы они не пожлобились?

– Обо мне вы с нее тоже отчет взяли? – Кантор постарался, чтобы это прозвучало небрежно, но скрыть нервозность у него не получилось. – Заплатив то, что зажали заказчики?

– Неужели она сказала бы мне что-то новое? – усмехнулся Шеллар, и невозможно было определить, правду он говорит или лжет. – Я ей, конечно, заплатил, чтобы молчала, если вдруг заказчики одумаются. Но о тебе я знаю куда больше, чем она может сказать.

– Тогда что вы от меня хотите?

– Я всего лишь хочу, чтобы ты знал: за тобой кто-то охотится. Кому-то понадобилось взять тебя под контроль. Будь осторожен, пожалуйста. Мне кажется, история с твоей простреленной курткой не закончилась. Если вокруг тебя опять начнет кружить какая-нибудь роковая блондинка, познакомься, возьми адрес, договорись о встрече и обязательно дай знать мне или Флавиусу. Эти таинственные заказчики не оставят тебя в покое, с ними надо разобраться раз и навсегда. И если ты с кем-то пьешь, ни на секунду не оставляй свой сосуд без присмотра. Взгляни, что обнаружили в той кружке, из которой ты пил на вечеринке.

– Да я бы наутро окочурился, если бы это выпил! – изумился Кантор, изучив список.

– Благодарю моего агента, что тебе не удалось этого выпить. И следи за посудой, когда пьешь не один. Насколько ты устойчив к любовной магии?

– Золотую паутину я вижу и, кажется, научился справляться. Некоторые ведовские приемы чувствую еще на стадии применения. Эгинские куколки вроде той, что подложили Александру, на меня действуют так же, как и на всех.

– Значит, регулярно проверяйся. Я дам тебе адрес одной надежной ведьмы, она работает на корону, ходи к ней раз в неделю. На предмет классической магии тоже каждую неделю проверяйся у мэтра Истрана. Как у тебя со всяческими зельями и эликсирами?

– Зелья, заговоренные ведьмами, действуют, но очень недолго. А то, что приготовлено на основе классической магии... – Кантор помедлил и неохотно признался: – У меня на них не то аллергия, не то какая-то магическая несовместимость. Чего только со мной не бывало после таких приворотов... Начиная с относительно безобидного поноса и заканчивая судорогами с нарушением дыхания. Чуть не уморила одна экзальтированная дура. Приворожить не приворожила, но уж славу и долгую память себе обеспечила.

– Верно, я об этом случае тоже слышал. Тогда тем более внимательно следи, что и с кем пьешь. В четверг будь готов присутствовать на небольшом официальном мероприятии при дворе Орlando Второго. Там будет да Коста, которого тебе предстоит опознать. Заодно увидишься с отцом, он хотел с тобой поговорить. Да, и еще я хотел тебя попросить... Познакомь Мафея с графом Гаэтано.

– Зачем? Плакса и его хочет припахать для вразумления поехавшего крышей графа?

– Насколько мне известно, твои усилия были не напрасны. Гаэтано все-таки притих. Вслух он от своего мнения не отказывался, но перестал возмущаться на каждом углу и относительно терпимо общается с Орlando.

– Орlando мне будет за это здорово должен! – проворчал Кантор. – У них с графом отношения наладились, а я теперь расхлебываю последствия.

– Если быть совсем точным, последствия расхлебываем мы с тобой вместе. Что же касается Мафея, у меня есть некоторая надежда, что при удачном стечении

обстоятельств Гаэтано сможет оказать на него положительное влияние.

– Вот вы о чем... – понимающе кивнул мистралиец. – Все о том же. О мести и смысле жизни.

– Ты верно догадался. Я хочу, чтобы мальчишка вовремя понял то, что граф Гаэтано понял только над расчлененными телами братьев Сальваторе. Когда месть становится смыслом жизни, по свершении мести жизнь теряет смысл.

– Но откуда вы знаете?

– Он сам мне сказал. А ты откуда?

– Я там был. Я видел его глаза. Слышал его чувства.

– Жаль, что Мафей этого не может. Ему было бы легче понять. Ладно, не будем о грустном. Не забудь, в четверг.

– Пойдите, – спохватился Кантор. – Но ведь четверг – нечетный!

– Как-нибудь впишешься. По-твоему, Орландо из-за тебя должен переносить официальную встречу с гномами? К тому же по четным дням у тебя репетиции.

– Но по нечетным я дома занимаюсь... Проклятье, из-за этих приступов столько времени пропадает...

– На инспекцию дамских постелей у тебя времени хватает, – заметил король с такой уверенностью, будто лично держал свечку. – Я вижу, товарищ Кантор, ты окончательно превратился в мечтательного барда, не понимающего, что вокруг него происходит. Как тебя угораздило из всего букета девиц выбрать именно художницу?

– Случайно, – пожал плечами Кантор. – Она первой подвернулась. А что не так? Она славная девушка без каких-либо нездоровых стремлений. Мы прекрасно провели время и остались довольны друг другом...

– Ты ей позировал?

– Да. Девушка попросила, не отказывать же ей в такой мелочи...

– Кантор, ты болван.

– Почему?

– Потому что пару лун назад Диана делала копию с твоего портрета. Даже если бы она его только видела, все равно, рисуя тебя с натуры, заметила бы слишком явное сходство. Она художница, Кантор, они видят не так, как ты! Чтоб тебе было понятнее, они видят, как ты слышишь! Ты говоришь, что не хочешь открывать свое имя, но сам делаешь все, чтобы быть разоблаченным! Это идиотское кокетство или особо утонченная форма самообмана?

– Это... как это называла Жюстин?.. Прогрессирующая умственная деградация, – вздохнул Кантор. – Говоря проще, я в самом деле болван.

– Отрадно слышать, – усмехнулся Шеллар. – Был бы здесь мой придворный маг, порадовался бы за тебя... по части нравственного совершенствования. Но раз порадоваться некому... Пойдем пить чай. Чайник как раз кипит, а мои кузены, наверное, уже заждались.

– Хороша идея, – без особого энтузиазма согласился мистралиец. Бросил еще один взгляд на отчет, который король аккуратно, листочек к листочку, складывал в папку, и неожиданно замер, словно его посетила некая особо ценная и пугливая мысль. – Ваше величество, не подскажите, где можно найти эту наблюдательную даму по имени Нита?

– Извини, Кантор, но ты что, действительно на нее запал? Или ты не в силах терпеть среди живых человека, так много знающего о твоих тайных помыслах?

– Хоть раз не угадали, – злорадно ухмыльнулся Кантор. – Я хочу ее нанять.

Весь рабочий день вторника пошел у Ольги наперекосяк. Несмотря на то что вчерашняя ссора закончилась полным примирением и взаимными покаяниями, неприятные мысли после нее все же остались. Кроме того, из-за визита его величества и последовавших затем разборок Ольга позабыла прочесть заданный

наставником текст и соответствующий отрывок из истории драматургии. Маэстро был очень недоволен и почему-то безошибочно догадался о причине. Не желая в который раз заводить бесполезный спор, Ольга списала все на визит короля, но наставник, похоже, не поверил. Из-за своего предвзятого отношения к Артуру маэстро Карлос готов был возложить на него ответственность за что угодно, включая наводнение в южной Мистралии и ранние заморозки в восточном Галланте.

На практических занятиях Ольга тоже постоянно отвлекалась, все время возвращаясь мыслями к вчерашним неприятностям, пропустила половину из объяснений наставника и получила за это очередное нравоучение. Вероятно, завтра получит еще одно.

Что оказалось противнее всего, бестолковая голова решительно отказывалась сосредоточиться на учебе и с непонятным мазохизмом возвращалась к одному и тому же.

Ну почему, почему эти два придурка не могут мирно сосуществовать, как подобает цивилизованным людям? Почему оба за глаза обвиняют друг друга во лжи и всевозможных подлостях, а стоит им встретиться лично – немедленно ссорятся? Почему, например, Диего не может понять, что пренебрежительное отношение к сопернику и постоянное стремление унижить не делает ему чести? Почему Артуро так по-дурацки ревнует и обвиняет соперника во всех смертных грехах? И где в речах обоих мистралийцев правда, где ложь, а где превратно истолкованная правда? Ведь хрен проверишь, вот что хуже всего!

Как можно выяснить точно, что там произошло пятнадцать лет назад между Эль Драко и Артуро Сан-Барреда? С чего началась их смертельная вражда и кто был виноват изначально? Как можно проверить, снился ли Диего Ольгин «мертвый супруг» или, как утверждает Артуро, это коварная ложь и примитивное запугивание соперника?

Артуро называет Диего бездарностью, маэстро Карлос уверен в его несомненном таланте. Артуро утверждает, что соперник не знает, как держать инструмент, фальшивит и вообще не умеет играть, Гарри восхищается его абсолютным слухом и невероятными способностями. Кто прав? Как в этом разобраться Ольге, если у нее не то что медведь – мамонт по ушам потоптался?

Как в многословных речах Артуро определить границу между фактами и его фантазиями? Что из упомянутых им гнусных сплетен действительно злобные наветы врагов, а что – правда, в которую впечатлительному барду не хочется верить? И не стоит ли сказать проще и грубее – правда, которую он желает скрыть?

Как узнать, насколько искренен был Диего, обещая, что не станет досаждать Ольге, добиваясь ее расположения, и не тронет счастливого соперника? Как он «не тронул», все уже видели вчера. Можно ли ему верить после этого? Опять же почему Диего так упорно пытался пробиться именно в этот театр, если действительно намеревался оставить Ольгу в покое? И если он все же соврал, то что это? Обычное для мистралийца нежелание терять лицо, признавая свою слабость, или же тонкий коварный план, разработанный под руководством его величества?

А уж что касается его величества, тут и вовсе можно крышей поехать, разбираясь в его замыслах. Вот зачем он вчера пришел вместе с кузенами? Зачем расспрашивал Артуро, вытягивал на разговор, как бы мимоходом с дружеским участием сажал в лужу... Король же ничего не делает просто так, наверняка и этот визит преследовал какие-то цели. Если посмотреть на результат и предположить, что его величество своих целей всегда добивается, то... Получается, его целью было поссорить Артуро с Элмаром, подбросить Ольге сомнения в его правдивости, приоткрыв истинное лицо «безвинно оклеветанного папы», исключить вероятность законного брака хотя бы в ближайшее время... А также получить возможность покопаться в вещах Артуро и его прошлом. Стоит ли теперь сомневаться, чью сторону принял его величество? Возникает только вопрос – почему? Шеллар III всегда отличался редкой беспристрастностью, и предположение, будто он поддался влиянию одной стороны, даже не выслушав другую, совершенно не вяжется с его принципами. Почему же тогда? В чем дело? Означает ли такое поведение короля, что он уже определил правую сторону в противостоянии двух мистралийцев? Или же он исходит из собственных субъективных представлений о том, кто из них больше подходит Ольге? Или он уже знает об Артуро достаточно, чтобы ему не доверять? Или в этот раз он не смог быть беспристрастным, помня о том, что обязан Кантору жизнью, и не один раз? И ведь тоже не проверишь...

– Нет, это плохой портрет, – сказал Гунька. – Дай я его порву.

– Зачем же уничтожать художественное произведение? – ответил Незнайка.

Н. Носов

В свой первый рабочий день Кантор едва не опоздал. Так получилось, приступ отчего-то заставил себя ждать до позднего вечера, из-за чего Кантор полночи промаялся, утром проспал, а потом еще как назло ни одного извозчика по пути не попало, бежал всю дорогу, как призовой рысак. В дверях он едва разминутся с давешним скромным парнишкой, который примчался в том же темпе, только с противоположной стороны. Тоже, видать, проспал, бедняга, только по другой причине. Эх, молодость... У него, наверное, не начинает ломить затылок после незапланированной пробежки...

Хотя позорного опоздания и удалось избежать, Кантор все же немного нервничал. Страх выдать себя неосторожным словом или привычным действием, которое Карлос мог бы узнать, преследовал его с самой первой встречи. А еще, чего там греха таить, он втайне опасался, что маэстро все-таки утратил с годами свое знаменитое упрямство и поддался на Ольгины уговоры. Мысли о том, что Артуро получит главную роль, что они будут вынуждены вместе работать и каждый день видаться, а в конце каждого спектакля этот паразит еще и побеждать будет, вызвали у Кантора такое отвращение, что он даже не рискнул спросить у короля, что же все-таки решили с этой ролью.

Проскользнув в зал буквально за пару секунд до прихода Карлоса, будущий орк поспешно занял первое попавшееся кресло и сделал вид, будто сидит здесь уже полчаса, а куртку не снял, потому что хочется ему так, а вовсе не потому, что некогда. Артуро среди собравшихся артистов не было, но это еще ни о чем не говорило. Ему тоже есть чем заняться ночью, и он тоже может проспать и опоздать...

– Приветствую. – Карлос быстрым взглядом окинул полукруг сдвинутых кресел, словно пастух, пересчитывающий вверенное стадо. – Я вижу, все в сборе, можно начинать.

Ольга бессловесной тенью следовала за наставником. С Кантором она даже не поздоровалась, но заинтересованный взгляд исподтишка скрыть не сумела. Ни враждебности, ни упрека Кантор не заметил, только попытку на глаз определить – как он там? Приятно видеть, что позавчерашняя позорная драка не уронила товарища в глазах любимой девушки. Но вот выглядит Ольга как-то уныло, и это уже неприятно. Неужели так из-за Артуро переживает?

– Начнем с главного героя. – Карлос по обыкновению устроился в кресле и немедленно закурил, не спрашивая разрешения у дам и, как в старые добрые времена, используя вместо пепельницы обертку от сигаретной коробки. Сколько его помнили, маэстро всегда так делал, даже если пепельница была под рукой. – Маэстро Тарьен, поделись-ка с нами своими соображениями касательно личности твоего персонажа...

Собрат-опоздавший мгновенно зарумянился, смущенный всеобщим вниманием, и понес обычную традиционную чушь, свойственную начинающим.

«Ничего себе! – поразился Кантор, вслушиваясь в его голос и пытаясь определить, как он будет звучать под музыку. – Вот это и есть ОН? Та самая подрастающая смена, что должна занять мое место? Этот тихий мальчик, который боится публики даже в количестве десятка человек? Как его вообще занесло на сцену, его место – в тихой библиотеке, вдали от людей, чтоб не тревожили и не пугали...»

– Ты так думаешь?

От голоса режиссера Кантор невольно вздрогнул, уже готовый отказаться от собственных мыслей, так не вовремя подслушанных, но Карлос обращался все к тому же юноше.

– В твоем понимании герой получается прямо-таки сахарным пряничком, что вовсе не соответствует действительности. Юный мэтр Кэн, несомненно, человек добрый, но в разумных пределах. При кажущейся мягкости в нем есть прочный внутренний стержень. Такой пряничек попробуешь откусить – без зубов останешься, что, собственно, и произошло с оппонентом... – Карлос изящно повел в сторону Кантора дымящейся сигаретой. – Маэстро Диего, а ты как полагаешь, на чем сломал зубы твой персонаж?

Кантор замешкался с ответом. В прошлой постановке орка играл маэстро Санчес, пожилой толстенный дядька с частично пропитым, но все еще звучным баритоном. И выставлен был сей персонаж от природы злобным существом, убежденным, что ему все вокруг должны, и не способным укротить врожденный темперамент. Наверняка маэстро Карлос видит его таким и сейчас, но если повторить его собственное мнение... что он подумает? Что новый актер особо тонко чувствует своего героя? Что он попросту видел предыдущую постановку и правильно понял режиссерский замысел? Или же маэстро лишь укрепитесь в подозрении, что товарищ Кантор эту трактовку уже слышал ранее, ибо присутствовал при ее произнесении?

К тому же собственное мнение на этот счет у Кантора тоже было и от режиссерского отличалось.

– Думаю, личные качества Кэна тут ни при чем, – наконец выдавил он, решив, что проще выслушать поправки, чем навлечь на себя подозрение и потом жалеть. – Зарби погубило его же собственное большое самолюбие. В самом начале, в сцене турнира магов, дается четкая установка: Кэн сильнее как маг, успешнее как профессионал. Не потому же он победил, что парень хороший и людям нравится. А этот шаман-самоучка приперся из своих степей потягаться с образованными магами, увидел, что не тянет, и все равно отказался принять поражение. Как это так – он не лучше всех? Это случайно так получилось, это происки завистников, это люди просто орков не любят – какое угодно объяснение придумать, лишь бы не признать себя слабее. У него изначально не было шансов, но он все же полез доказывать свою крутизну. В какой-то момент, увлеченный своей идеей, перестал видеть границы – сначала обман, потом преступление... Ну и нарвался в конце концов. Переоценка своих возможностей никого до добра не доводила.

Кантор перевел дух и выжидающе уставился на Карлоса, готовясь смиренно выслушать режиссерские поправки и указания да покончить с этим делом. Маэстро не торопился, с неприкрытым интересом разглядывая Кантора, словно впервые увидел. Ольга же почему-то погрустнела, и бровки сползли домиком, словно что-то ужасно жалобное услышала.

– Любопытно... – произнес наконец Карлос, медленно повернул голову в сторону ученицы и поинтересовался: – А тебе как нравится такая трактовка?

– Не знаю... – Ольга тут же смутилась, замялась, запуталась в словах. – То есть я понимаю, почему так считает Диего, но как оно было на самом деле... Я... понимаете... я даже не знала, что тут вообще живут орки... Мне про них не говорили...

– Ну, работа маэстро Жака, как всегда, налицо... – усмехнулся наставник, видимо уже знакомый со стилем работы королевского шута. – Орки здесь не живут, хотя когда-то, говорят, жили. Но не только ты, а никто из живущих ныне людей никогда в глаза не видел живого орка, так что в данном случае мы имеем дело лишь с фантазией автора. Надеюсь, пьесу ты читала, или как вчера?..

– Нет-нет, пьесу я читала. Но я никогда не понимала злодеев, мне всегда казались надуманными их мотивы, вот и в этом случае у меня не получилось вообще никакого представления о Зарби и ему подобных. Как можно быть таким злым, как можно делать людям гадости только потому, что они в чем-то лучше тебя?..

– Пообщаешься поближе с бардами, поймешь, – вздохнул Карлос. – А Диего действительно прав, какими бы путями он ни дошел до этой мысли. У меня еще в те времена вызывало сомнения утверждение древних летописцев, что орки все поголовно от природы отличались злобным нравом, но тогда я уделил этому вопросу мало внимания. Между тем поступки Зарби вполне можно мотивировать обычными человеческими страстями, возможно, немного гипертрофированными в силу расовой принадлежности, но вполне объяснимыми. Зависть, ревность, самолюбие, помноженные на агрессивность, – вот вам и злодей. Однако вернемся к тому, с чего начали. Неужели дело только в том, что Кэн сильнее в магии? Диего, уж ты-то должен был правильно понять мой вопрос.

– Вы его так поставили, – сердито огрызнулся Кантор, задетый Ольгиным «я понимаю, почему так думает Диего». – Нет, конечно, дело не только в том, что Кэн сильнее. Он еще и не трус, вы это хотели сказать. Только вот в чем заковыка, Зарби тоже не трус. Он злой, вздорный, безнравственный, какой хотите, только не трус. А когда сходятся в драке два одинаково храбрых врага, побеждает все-таки тот, кто сильнее. О необычайном везении в нашей пьесе речь не идет, верно ведь?

– Отлично, но мало одной лишь отваги.

– Да, я понял... – смущенно подал голос главный герой. – Нужна твердость характера, правильно? Это я упустил, говоря о своем персонаже... Но все равно он не может просто так убить, даже врага, даже такого злобного орка. Он оставляет противника в живых, хотя тот не просил пощады и не обещал исправиться. Кэн не хочет убивать, он слишком добр для этого.

– Да никто и не отрицает, что он добр, на то он и главный герой! Но это не переходит у него в сопли, а у тебя переходит! Давай посмотрим на наглядном примере. Второе действие, дуэт Кэна и Зарби. Диего, подпой ему реплики.

– Но я не распелся... – в ужасе подскочил с места бедный герой.

– Ничего, вокал пока не столь важен, тихонько, вполголоса. Главное, чтобы ты уловил чувства, интонацию.

Мальчишка расправил плечи, в который раз одернул слегка коротковатые рукава, и запел.

Великие боги, у этого заморыша действительно был голос! Поразительной чистоты классический баритон, мягкий и в то же время мужественный, он лился плавно, густо, как любимый коньяк его величества, он завораживал, заставляя забыть о земном, и, когда он звучал, невидимые для простых смертных языки Огня плясали вокруг нескладной фигуры певца, в точности как на картине маэстро Ферро...

Кантора подтолкнули под локоть, напоминая, что его очередь вступать.

«Идиот, хоть ты тут не разревись!» – задыхаясь между всхлипами, прорыдал внутренний голос. Кантор сморгнул, отгоняя закипающие слезы, привычно послал провокатора куда обычно и хрипло, невпопад начал свой куплет.

С облегчением покинув театр по окончании рабочего дня, Ольга вдруг почувствовала категорическое нежелание идти домой. Вот непонятно почему. Вроде и помирились, и все в порядке, и Артуро пообещал больше не заикаться о прислуге, а почему-то не хочется домой, и все тут.

Пока Ольга размышляла, к кому можно сходить в гости, на горизонте возникла финансовый гений Янь Зинь, одним своим появлением сразу решив все проблемы. Ольга вспомнила, что пару дней назад они все-таки поспорили, запрягла ли Диана бедного мистралийца в нелегкое ярмо бесплатного натурщика или же ему удалось отвертеться. Как оно было на самом деле, спорщицы до сих пор не узнали, так что вырисовывался достойный повод навестить художницу и выяснить, кто нынче платит за дюжину пирожных.

Зинь сразу же начала подкалывать Ольгу, уверяя, что спор – только повод, а истинные причины она от всех скрывает. На самом деле она жаждет проверить, как там поживает ее покинутый мистралиец, в хорошие ли руки попал, не обижает ли его новая хозяйка, не морит ли голодом и не стоит ли забрать бедняжку обратно...

Ольга немедленно представила себе объявление «Отдам в хорошие руки симпатичного мистралийца» – и ей пришлось делиться с подружкой причинами внезапного хохота.

– Все-таки, я думаю, Диана его обижает, – сделала вывод Зинь, вдоволь насмеявшись. – Надо поискать ему другие хорошие руки.

– Если она отдаст – забирай, – согласилась Ольга.

– А он пойдет?

– Попробуй приманивать колбасой.

– А просто на свист?

– Если только на художественный... Ага, теперь и я знаю твою истинную причину! Ты хочешь вывести, как сманить у Дианы честно добытого кавалера! Вот она, женская дружба!..

– А ты все-таки хочешь забрать его назад и больше никому не отдавать! – не осталась в долгу Зинь. – Ну вот признайся хоть сама себе, он же тебе до сих пор нужен. Ты до сих пор не вернулась к нему только потому, что тебе Артуро жалко!

– Неправда! Это Диего мне жалко, только поэтому я с ним и общаюсь. А возвращаться к нему не хочу и не собиралась!

Шуточки шуточками, но еще одна причина, по которой Ольге потребовалась Диана, действительно существовала. Причина эта не имела ничего общего с нахальными гипотезами Зинь, а представляла собой коварный тайный замысел, которым Ольга не намеревалась ни с кем делиться.

Трудно сказать, когда точно возникли у нее первые сомнения касательно личности дона Диего, но к настоящему моменту количество подозрительных совпадений давно достигло критической величины. Даже то, как он сегодня смотрел на Тарьена, можно было отнести в пользу Ольгиной версии. С чего бы это непробиваемый товарищ Кантор вдруг так растрогался, услышав просто хорошее исполнение, и ничего более? Не подтверждает ли такая странная реакция некоторые догадки, которые вполне могут оказаться реальными фактами?

Спросить ненаглядного напрямик Ольга не решалась. Главным образом потому, что не желала в очередной раз осрамиться. Даже если она права, где гарантия, что он пожелает признаться? Что ему помешает соврать в очередной раз?

Обращаться с подобными вопросами к его величеству равно бессмысленно, так как в любом случае ответ будет отрицательным. Если ее догадки верны, то уж король-то наверняка должен был догадаться о том же самом на полгода раньше. И если он до сих пор молчал, то будет молчать и дальше. Может, он опять кому-то слово дал или тайна дона Диего уже задействована в какой-то труднопостижимой королевской интриге.

Словом, свои гениальные догадки Ольге предстояло проверять самостоятельно, и у нее даже была одна весьма неплохая идея. Натолкнула ее на эту мысль недавняя история с покраской несчастного негра. До того Ольга не подозревала о существовании редкой волшебной краски, которую можно наносить на кожу без вреда для здоровья и которая не смывается ничем, кроме специального волшебного же растворителя. Когда она об этом услышала, последняя нестыковка в совмещении двух мистралийских физиономий мигом испарилась. Вот оно в чем дело! Вот куда девал маэстро свою компрометирующую татуировку! В лицо его никто не узнает после пластической операции, в этом он сам признался. Голос у него изменился. Повадки, наверное, тоже изменились после смены класса. А особую примету свою он закрасил. И если как-нибудь

подловить лживого конспиратора в раздетом виде да мазнуть растворителем по оголенному плечу, тут-то правда и всплывет!

Растворителя Ольга еще позавчера отлила у Терезы. У них с Жаком еще много осталось после того, как они себя отмыли. Теперь оставалась одна проблема: как изловить и раздеть Диего? Будь сейчас лето, было бы проще, но на дворе середина Багровой луны. Сырость и холодные ветры ортанской осени не располагают к расхаживанию голышом даже в помещении. Вариант затащить бывшего любовника в постель, разыграв примирение, Ольга отбросила сразу и бесповоротно. Во-первых, такое подлое коварство ей было противно, а во-вторых, она втайне опасалась, что после этого примирение все-таки состоится. Скрепя сердце она остановилась на другом варианте – подловить Диего во время очередного приступа, отвезти опять домой, уложить в постель, и когда он уснет...

Этот вариант Ольге тоже не особо нравился. Пользоваться беспомощным состоянием человека в своих целях неэтично как-то. Если это все-таки окажется он, придется потом объясняться, и ой как будет стыдно...

Тут-то и подвернулась Зинь со своим пари. Ведь действительно Диана всегда безжалостно эксплуатировала любовников в качестве живой природы, потому что на профессиональных натурщиков у нее никогда не было денег. Скорее всего, именно по этой причине мужчины у нее надолго не задерживались и быстро сбежали. Единственным известным Ольге исключением был Жак, но как ему удалось отвертеться, до сих пор оставалось неизвестным. Если Зинь права и Диана действительно припахала мистралийца во славу искусства, то, похоже, из такого расклада можно извлечь нехилую компенсацию за проспоренные пирожные. Во-первых, подробно расспросить художницу, насколько и чем именно похож Диего на исторический портрет. А во-вторых, что еще важнее, появляется реальная возможность застукать товарища в нужном виде. Аккуратненько узнать у Дианы, когда и в какое время благородный кабальеро будет торчать неглиже в ее мастерской, и как бы случайно зайти в гости. Блестяще!

Пирожные Ольга все-таки проспорила. То ли переоценила упрямство мистралийца, то ли недооценила его великодушие – в зависимости от причины, по которой он позволил себя эксплуатировать.

На мольберте в мастерской высохал очередной шедевр, на котором угадывалась очень знакомая спина. Даже если допустить, что фантазия живописца сделала эту спину более сутулой, чем на самом деле, все равно можно было легко опознать по шрамам. Чуть ниже человеческой фигуры, под еще непрописанными ногами, виднелись набросанные контуры валяющихся крыльев.

– Падший ангел? – ляпнула Ольга первую же банальность, пришедшую ей в голову.

– Демон в сезон линьки, – ухмыльнулась Зинь.

– Сейчас ты у меня сама полиняешь, – грустно и совсем не страшно пригрозила Диана, занятая отмыванием кистей. – Что такое падший ангел?

Ольга попыталась объяснить и быстро обнаружила, что плавает в вопросе.

– Да ладно, ну его, – сдалась она через пару минут и перевела разговор на другую тему: – Все равно здорово. Купить ее у тебя, что ли?..

– И повесить дома, – прыснула вредная Зинь. – Чтобы Артуро валялся в истерике каждый раз, как на нее посмотрит.

– Да он не узнает, со спины-то!

– Ее уже покупают, – так же печально сообщила художница.

– Кто? – поинтересовалась Ольга, и тут ее вдруг осенило. – Дай-ка я угадаю, – оживилась она, радуясь возможности хоть раз в жизни построить из себя Шеллара III. – Сам Диего пожелал купить и категорически запретил не только продавать, но даже показывать кому-то еще.

Диана тоже оживилась.

– Верно... то есть почти верно. Показывать он не запрещал. А вот другое полотно действительно запретил даже показывать.

– На том полотне он не со спины и видно лицо? – продолжала упражняться в догадливости обрадованная Ольга. – Ну мне-то покажешь? Мне-то можно, я его и так во всех возможных позах и ракурсах видела.

– Пойдем, – чуть поколебавшись, согласилась Диана. – А Зинь пока займется чаем.

– Ну вот! Как кому – так искусство, а как кому – так стряпня! Я, может, тоже хочу в позах и ракурсах!

– Не переживай. – Ответ Дианы был пропитан горьким ядом. – В ближайшую пару дней он от меня сбежит, так что можешь сесть у норки и караулить. Будут тебе и позы, и ракурсы.

Искомый набросок, заныканный в самом дальнем углу за двумя рядами обтянутых холстом подрамников, был раза в четыре меньше предыдущего и изображал только голову. Голова эта была чуть откинута назад, в широко раскрытых глазах застыла боль, плотно сжатые губы едва сдерживали рвущийся наружу стон. Ощущение боли было почти физическим, и Ольга невольно вспомнила известную легенду о несчастном натурщике Микеланджело, безвинной жертве искусства.

– Совести у тебя нету! – не удержалась она, передергивая плечами, чтобы избавиться от жутких мурашек по спине. – Во время приступа рисовала? Небось еще сидела рядом и требовала открыть глаза пошире? Как он от тебя в тот же день не сбежал!

– Сама удивляюсь, – вздохнула Диана. – Я так и думала, что он в тот же день сбежит, потому и торопилась набросать все, что можно. Ты посмотри, как здорово получилось, как точно мне удалось поймать боль... Честно говоря, жалко теперь ему продавать. Он же никому не покажет, а то и уничтожит, чтобы никто не видел. А я такого больше не напишу. Где я еще возьму больного натурщика?

– Так не продавай, – пожала плечами Ольга. – Не зарежет же он тебя. Подрисуй эльфийские уши и сделай из этого наброска какую-нибудь «Смерть великомученика Феандилля».

– Терпеть не могу нравоучительные картинки на религиозные темы!

– Так сделай светский вариант! Пририсуй рядом горюющих соратников, и будет не религиозный сюжет, а сцена из геройских суровых будней.

– Где? Тут же вот голова в центре композиции, и вокруг нее места нет! Да и не похож он на эльфа. Глаза-то человеческие, а трогать их нельзя, все испортишь.

– А на кого похож?

Диана вдруг замолчала, задумчиво прикусив черенок кисточки.

– Есть у меня на примете один сюжет. И он действительно очень похож. Но, боюсь, если я выставлю это сходство на публичное обозрение, он меня все-таки убьет.

– Ты о том портрете, копию которого я тебе заказывала пару лун назад?

– А, ты тоже заметила?

– Сходство замечают многие. А вот ты, как художник, можешь сказать: насколько оно велико?

– Почти идентично, – так же задумчиво отозвалась Диана, продолжая грызть несчастную кисточку. – Те черты, где есть сходство, одинаковы, как у близнецов Бандерасов. Даже с учетом разницы в возрасте. Если бы Эль Драко менялся с возрастом, он бы примерно так и менялся. Я бы сказала, что они тоже родные братья, хотя и не близнецы. Носы и рты разные, а глаза, брови, скулы, строение черепа – одинаковые.

Ольгины умозаключения немедленно подверглись самокритичному сомнению. А что, если они действительно братья? Если Диего вовсе не «мертвый супруг», а его сводный брат, никому не известный бастард любвеобильного придворного мага? Потому и знает о братце больше положенного, и Артуро у них общий враг, и картину не велел показывать... Но все равно проверить надо! Оба варианта возможны! Вот король, например, обязательно бы проверил.

– А ты ее пока спрячь и не доделывай, – посоветовала Ольга. – И не отдавай ему, ссылаясь на то, что не готово. А со временем либо шах помрет, либо ишак.

– Какой ишак? – недоуменно переспросила художница, и пришлось объяснять ей суть старой восточной притчи. – Попробую, – вздохнула Диана, выслушав, и вернула неоконченный шедевр за подрамники. – Все-таки жаль, что он сбежит так быстро. И недели не прошло.

– А он уже высказал намерения? – поинтересовалась Ольга со слабой надеждой, что еще хоть один сеанс успеет застать.

– Он сказал, что ненавидит позировать и больше я его на такое безобразие не уговорю. Лучше он наймет мне нормального натурщика, и уж с ним я могу делать, что захочу.

– И что, уже нанял?

– Не знаю. Если нанял, то сегодня вечером приведет. Если нет, сам придет. Видела, он мне даже дров привез, чтобы я натурщиков не морозила...

– То-то я смотрю, у тебя тепло! – наконец спохватилась Ольга, поглощенная похоронами своего гениального плана. – Но почему ты думаешь, что он сбежит?

– Да что, не видно? Он старается как-то смягчить свой будущий уход.

– А может, он, наоборот, нацелен на долгие и прочные отношения?

– Да нет... – Диана отвернулась и принялась расставлять кисточки по стаканчикам. – Он, конечно, замечательный парень, но все это у нас получилось как-то... несерьезно. Вот увидишь, и Зинь его надолго не удержит. С кем бы он ни был, он все равно будет думать о тебе. Зря ты его выгнала.

– Я? Да он сам сбежал! Не так быстро, как от тебя, но все равно сбежал. Может, он просто так устроен, что ему надо постоянно женщин менять.

– Хм... если они действительно братья, то ничего удивительного. Только не проболтайся, что я тебе это сказала. И что картину показывала.

– Молчу как рыба, – заверила Ольга. – Более того, какдохлая рыба.

– Идолго вы там будете о высоком искусстве трепаться? – воззвала Зинь. – Если через пять секунд вы не вернетесь в общество, я начинаю есть свои честно выигранные пирожные! Все двенадцать!

– Подожди! – Ольга метнулась к столу, зная, что подружка вполне горазда выполнить подобную угрозу. – Еще не все гости пришли!

– А кто еще придет?

– Придет один почти бесхозный мистралиец, которого надо опять отдавать в хорошие руки. И советую тебе дождаться. Что-то мне подсказывает: если ты его сегодня упустишь, до завтра кто-то другой успеет подобрать.

– Ага, – опять принялась язвить хитрая Зинь. – Скажи уж правду, ты сама хочешь его дождаться, чтобы хоть мельком увидеть.

– А я вот как дам сейчас кому-то пирожным по башке!

– Оружие ты выбрала самое убийственное, куда бы спрятаться! – прыснула потенциальная жертва.

– Зато краси-ивая будешь! Взбитые сливки будут впечатляюще смотреться в твоих волосах...

– Если Ольга все-таки размажет на тебе пирожное, – совершенно серьезно заметила Диана, – не смывай сразу. Это надо будет увековечить. Только желательно делать контрастное пятно вот здесь, немного сбоку, где обычно носят цветок. Тогда будет смотреться.

– Ты еще мишень в этом месте нарисуй! – огрызнулась Зинь. – Я тут, понимаете, готовлюсь к важному моменту, изо всех сил думаю, как очаровать интересного мужчину, а мне предлагают украсить голову взбитыми сливками!

– А вдруг ему понравится? – не унималась художница.

– Кстати, в тот вечер, когда мы познакомились, он украсил мне платье живописными потеками соуса, – припомнила Ольга. – Так что пирожное – это вариант. Действительно может понравиться.

Диана посетовала на отсутствие соуса и предложила нарисовать фальшивые пятна прямо на платье. Зинь надулась и запихнула в рот почти целое пирожное, давая понять, что не желает поддерживать глупый разговор. И напрасно она это сделала. В следующий миг в дверь постучали, и, когда Диана впустила долгожданных гостей, Зинь все еще дожевывала, не имея возможности даже внятно поздороваться.

К удивлению Ольги, обещанным натурщиком оказался тот самый застенчивый русоволосый юноша, голос которого так потряс Диего сегодня на репетиции. Когда же они успели познакомиться и договориться, ведь ушли всего за пару часов до Ольги?..

– Вот, знакомься, – провозгласил Диего, обращаясь персонально к Диане, так как с прочими дамами гость уже был знаком. – Маэстро Тарьен, будущая звезда нашего театра. В ожидании грядущих поднебесных гонораров весьма нуждается в наличных.

– Мм... – неуверенно пробормотала художница, – так он раньше никогда не позировал?

– А кто из твоих несчастных любовников раньше позировал? С каких пор для этого требуются особые умения? Поставишь его, как тебе надо, и рисуй. Желательно не голым, а то у тебя тут хоть и топится, но все равно не южное побережье. Не приведи небо, простудится – маэстро Карлос нас с тобой самих распишет под эгинский мрамор.

– Я подозреваю, что для обнаженки он и не подойдет... – Диана с обычной своей бесцеремонностью пощупала бицепсы очередной жертвы грядущего вдохновения. – Худенький слишком. Но лицо симпатичное и одухотворенное... В общем, сгодится.

И когда эти двое успели сдружиться? Ведь познакомились только сегодня утром на репетиции. А вечером Диего уже уверенно представляет его дамам как старого приятеля, решает его финансовые проблемы и голосом строгого

папеньки дает наставления...

Зинь управилась наконец со своим пирожным и со свойственной ей целеустремленностью принялась за охмурение ничейного кавалера. Диего поначалу неловко оглядывался на Диану, но, заметив, что та демонстративно обрушила всю свою заботу на нового натурщика, быстро осмелел. Видно было, что он готов охотно и не ломаясь отдаться в очередные «хорошие руки».

Ольга сосредоточенно ковыряла пирожное, слушая взаимное воркование этой парочки, и почему-то чувствовала себя ужасно неудобно. Казалось бы, отчего вдруг? Ведь всего несколько дней назад сама прилагала все усилия, чтобы пристроить неприкаянного мистралийца кому-то из подруг, а теперь ей почему-то неприятно наблюдать результаты собственных усилий. Не ревнует же она, в самом деле! Их ничто больше не связывает, у нее другой мужчина, все, что было, благополучно осталось в прошлом... Или все-таки нет?

«Перестань, – одернула она себя. – Все действительно в прошлом, и никакая это не ревность, а мелочное и жлобское чувство собственника. Никак не можете вы, девушка, представить себе, что нечто, принадлежавшее ранее вам, теперь принадлежит кому-то другому. Нехорошо это и неправильно. Нечего превращаться в пресловутую собаку на сене».

Попытки самовоспитания и обращения к здравому смыслу не помогали. Возможно, потому, что в глубине души Ольга понимала – Диана права, и ее слова можно считать пророческими. Непутевый мистралиец не задержится надолго в объятиях Зинь. И вряд ли найдутся такие «хорошие руки», в которых он согласился бы остаться навсегда.

Диего все-таки солгал. Он не отступится. Даже если у него хватит духу сдержать обещание и не посягать на жизнь и здоровье соперника, он все равно будет кружить поблизости, выжидая, пока судьба сделает черную работу за него. И как-то даже жутковато думать, что будет, если некая сочувствующая особа (не будем указывать пальцем) пожелает попробовать себя в роли судьбы. Просто так, чтобы хорошему человеку помочь.

Домой Ольге по-прежнему не хотелось. Настолько не хотелось, что она все же потащилась водить козу с друзьями, несмотря на присутствие Диего и помня, что на завтра еще кучу всего читать, а там до сих пор и конь не валялся.

Сначала они пошли провожать Тарьена, так как Диего почему-то решительно на этом настаивал, в обычной своей манере наплевав на возражения провожаемого.

Судя по тому, в какой дыре обитала «будущая звезда», с наличными у нее действительно имелись проблемы. А поднявшись по множеству шатких деревянных лесенок куда-то под самую крышу и войдя в крошечную сырую комнатуху, где обитала семья из трех человек, Ольга убедилась в правильности своих подозрений. Маэстро Тарьен не просто «нуждался в наличных», а в прямом смысле жил в нищете, потому он так не хотел приводить гостей в свое жилище. Такое жилище действительно стыдно показывать посторонним, тем более что в нем не хватает стульев посадить гостей и нет даже чаю, чтобы их угостить. А у Диего, как всегда, – ни стыда ни совести, нагло напросился непонятно зачем, поставил людей в неловкое положение...

Совершенно не обращая внимания ни на убогую окружающую обстановку, ни на всеобщую неловкость, бесстыжий мистралиец с ходу атаковал бедную больную матушку Тарьена, словно намеревался очаровать даму по всем правилам: с комплиментами, восхищениями и целованием ручки. Хорошо хоть у него хватило ума не воспевать отсутствующую дивную красоту несчастной женщины, а расхвалить прежде всего ее педагогический талант и самоотверженность.

Ольга в который раз убедилась, что бывший возлюбленный неким фантастическим образом воздействует на всех окружающих дам. Даже больная, забитая жизнью Тарьенова мама буквально после минуты общения как-то распрямилась, приосанилась, ожила... А уж младшая сестренка, даром что малявка сопливая, чуть не стекла со стула от восторга, хотя лично ей никто комплиментов не говорил и лапок не целовал.

Настроение всем немного подпортил домовладелец, который явился за платой и заодно не преминул отчитать злостных должников прямо при гостях, невзирая на то что деньги все-таки получил. Вот этого ему не надо было делать... Вернее следовало выбирать выражения и хоть немного подумать, подобает ли порядочному горожанину так оскорблять людей лишь потому, что они от него зависимы и не могут достойно возразить. И уж конечно не стоило принимать Диего за сутенера, а если ни на что большее ума не хватило – хоть промолчать и не высказываться, что он сам заплатил бы за малявку больше... Нет, честно-честно, Диего не в чем было упрекнуть. Ольга и сама за такие высказывания морду бы набила, если б осилила. Ну а что на лестнице перила сломались и сама лестница в одном месте провалилась – так пострадавший сам виноват, довел

помещение до такого состояния...

Но свое мнение об отсутствии у мистралийца совести и такта она все же высказала, едва они спустились с Тарьеновой голубятни, осторожно переступая через проваленные ступеньки.

Диего молча послушал нравоучение примерно до середины, после чего серьезно и твердо перебил Ольгу на полуслове:

– Как ты полагаешь, сколько мне лет?

– Ну, тридцать один... – честно вспомнила Ольга. – А при чем тут...

– Тридцать два. По-твоему, я до сих пор не знаю всего того, что ты мне сейчас рассказываешь?

– А почему тогда...

– А ты не поняла, зачем я вас сюда привел?

– Чтобы почтенная владелица и ее бухгалтер наглядно убедились, как необходим их служащему внеочередной аванс, – моментально определила сообразительная Зинь.

Ольга даже подумать не успела.

– А что, нельзя было просто попросить? – проворчала она.

– Тарьен не приучен просить и одалживать. Он у меня денег не взял, ни так, ни в долг, хотя я предлагал. Пришлось ему работу подбросить, чтобы согласился.

– Так сказал бы сам, что мы, не поняли бы?

– А я тоже не люблю просить, – с неожиданной холодностью отозвался Диего. – В отличие от некоторых.

Конечно, у него все мысли в одну сторону! Кабальеро специально затащил ее в убогое жилище Тарьена, чтобы она увидела настоящую бедность и настоящую гордость и сравнила с проблемами несчастного Артуро. Дался он ему!

– А когда ты успел все это узнать? – спросила она, делая вид, будто не поняла намека. – Вы же только сегодня познакомились.

– А разве для этого надо много времени? Мы поговорили за обедом.

– И он вот просто так рассказал все с первых минут знакомства?

– Если честно... Я ему в чай полстакана коньяку влил для разговорчивости. Вижу, у него какая-то проблема, а он скрывает, ну и... Только ему не говорите, он так и не понял, что выпил. Так вы дадите парню аванс? Он ведь угробит голос к едреным демонам, если будет жить в этой нетопленной мансарде, ходить зимой в летнем плаще и петь на улице.

– Дадим, конечно, – пообещала Зинь. – Сколько ему конкретно надо?

– Ты же бухгалтер, моя лапушка, вот и подсчитай. У меня в школе были проблемы с математикой.

– Так маэстро Диего – бывший двоечник? – кокетливо прищурилась подружка.

– Неправда, даже математику, закон божий и патриотическое воспитание я натянул на твердую тройку! А по литературе и вовсе был лучшим в классе! А некоторые дамы тут и вовсе, как мне кажется, в школу не ходили.

– О, преимущества домашнего образования давно очевидны, так что не надо притворяться. Между прочим, стыдно такому большому мальчику иметь проблемы с математикой. Я могла бы дать достойному кабальеро несколько уроков, если он пожелает.

– Тогда я провожу мою наставницу домой, и мы приступим сегодня же...

Ольга слушала, как они валяют дурака и несут всякий бред, и в который раз убеждала себя, что ревность – низкое и недостойное чувство. Но каждое слово,

каждый смешок их полоумного диалога отзывались в сердце щемящей болью. Пусть бы они себе трахались на здоровье, ей не жалко, но слушать со стороны то, что раньше было самой сокровенной частью отношений между самой Ольгой и этим человеком, что было интимнее, чем секс... Невыносимо больно.

Дома Ольгу ждала еще одна неприятность. Артуро опять не пошел на работу, и планы спокойно подумать в одиночестве накрылись тем же самым, что и коварная комбинация с растворителем. Мало того, в комнате сидел еще и Жак! Интересно, случайно зашел или король прислал? Что за неделя выдалась, уж который день наперекосяк!

– Что случилось? – спросила Ольга, удивленно созерцая надутого маэстро. – Почему ты дома?

– Меня уволили, – мрачно отвечивал Артуро таким тоном, будто Ольга лично была в том виновата. – Хозяин сказал, что дешевле будет нанять нового музыканта, чем нянчиться с неженкой, который считает обычный синяк тяжким недугом и уважительной причиной не являться на работу.

– Жестокий человек! – посочувствовал Жак, и трудно было понять, насколько он серьезен в своих сочувствиях. Ольге, например, в голосе шута почудились ироничные нотки. И разберись тут – то ли он пришел специально продолжить вчерашнюю беседу его величества, то ли Артуро уже успел задолбать гостя бесконечными жалобами, то ли вправду показалось. – Мой работодатель никогда так не поступал! Он всегда заботился о моем здоровье и с пониманием относился к моим проблемам. Да ты не парься, подумаешь – работа! Было б что-то достойное, стоило бы переживать, а таких работ в городе полно. В любом питейно-развлекательном заведении нужны музыканты.

Как будто не понимает, что парится Артуро совсем по другому поводу.

– А ты откуда так поздно? – продолжал мистралиец, проигнорировав сомнительное утешение.

– К Диане зашла, – ответила Ольга, чувствуя себя неверной женой, которая вернулась из загула и вешает лапшу обманутому мужу.

– Своего бывшего повидать?

– Дался он тебе! Я что, уже не могу навестить подружку, не вызывая дурацких подозрений?

– Он тебя провожал!

– Он провожал Зинь! Которая живет над нами, если ты не помнишь! И сейчас он ее уже трахает, если это тебя хоть немного утешит!

Жак, нимало не смущенный выяснением отношений в его присутствии, весело ухмыльнулся и влез в чужие разборки:

– Ты что, в самом деле ревнуешь? Вот балда! Ольгу не знаешь? Она в жизни никого не обманула! А если ей захочется завести сразу двух любовников, она это сделает, ни от кого не скрываясь! Даже объяснит – для особо непонятливых, – что она так желает, и это ее право, и вообще она свободная женщина, с кем хочет, с тем и спит, а кто не согласен, может отправляться в общепринятом направлении. Она тебе что-нибудь подобное говорила? Нет? Так и успокойся. В случае чего ты узнаешь первым.

– Вот спасибо, вот утешил! – рассердилась Ольга. – Пошляк и сводник! Дайте мне ложку, этого болтуна надо срочно заткнуть!

– Странная женщина! – притворно вздохнул неисправимый шут. – Вроде и бард, а фантазии ни на что, кроме ложки, не хватает!

– Швабра устроит? – с приторной предупредительностью поинтересовалась Ольга.

– И злая, – добавил Жак. – Как бедный Артуро тебя терпит?

– Шутите, да? – скорбно вздохнул Артуро. – Издеваетесь?

– Я говорил чистую правду! – заверил Жак. – А ты со своей ревностью выглядишь глупо. Девушка сейчас с тобой, а не с ним. Это он вправе ревновать, мучиться, биться головой об стенку и все такое. А тебе-то чего?

– Хоть одна здравая мысль, – проворчала Ольга. – Вы, господа, меня извините, но мне о всякой фигне трепаться недосуг, так что общайтесь сами, а я ушла на кухню заниматься. Мне на завтра страниц полтора надо прочесть, а уже десятый час.

– Ой, подожди! – спохватился Жак. – Я ж зачем, собственно, пришел! Кира приглашает тебя завтра составить ей компанию. Тут такая фигня получилась... Плакса с Эльвирой в пятнадцатый раз побили горшки и разорвали помолвку, теперь Эльвира в Мистралию категорически отказывается ехать, поскольку видеть не желает эту бесстыжую морду. Они-то, понятное дело, через пару дней помирятся, но Кире надо завтра. Выручай подружку. Там интересно будет. Посмотришь хоть раз на историческую родину своих кавалеров, с Плаксой повидеешься, и вообще тебе не помешало бы немного развеяться.

– Опять придворные церемонии... – горестно скривилась Ольга, уже понимая, что отказаться нельзя, раз Кира просит. – Опять идиотские юбки, кружавчики, и с прической полдня возиться!

– Да брось, это же Мистралия! Двор его величества Орlando Второго – это нечто такое, чего еще свет не видывал. Тебе понравится.

– А что я скажу наставнику?

– А наставнику все скажет личный адъютант ее величества. Да не кочевряжься ты, все равно ведь поедешь. Беременным женщинам нельзя отказывать.

– Да поеду, конечно... – Ольга тяжело вздохнула. – Но знаешь, как не хочется!

– Не хочется увидеть Плаксу?

– С Плаксой я бы лучше пообщалась в неофициальной обстановке. А вот наряжаться, как на выставку, действительно не хочется.

– Тьфу ты, ерунда какая! Так не наряжайся. Надень свою любимую бирюзовую блузку и чувствуй себя как дома. В Мистралии сейчас не принято демонстративно шиковать, его величество объявил такое поведение непатриотичным. Дескать, это неуважение к народу – трясти брюликами при

дворе в то время, как в провинциях нищета, а в казне такой голяк, что казначею украсть нечего. Кроме того, там будут представители от гномов – они ребята суровые, а Орландо хочет наладить с ними хорошие отношения и как-то сгладить неприятные впечатления от своего уха... В общем, тебе понятно? Никаких суперпупернарядов с цацками не требуется, все просто и по-домашнему.

В потолок что-то глухо и увесисто бумкнуло, люстра с осветительным шаром жалобно задребезжала. Жак с интересом уставился вверх:

– Интересно, эти лоботрясы сломали кровать или просто упали с нее? Делайте ставки, господа!

– Вот вам с Артуро делать нечего, вы и занимаетесь глупостями! А у меня история драматургии!

– Шучу, шучу, уже исчезаю...

Когда Жак действительно исчез (и очень шустро притом), до Ольги с запозданием дошло, что было бы гораздо полезнее для дела, если бы он остался и развлек несчастного безработного. Лишившись собеседника, Артуро немедленно пожелал общаться с ней. На то, что девушке надо заниматься, ему было наплевать. Эгоист бессовестный!

– Ольга, – начал он, – не знаю, обратила ли ты внимание, но с того самого момента, как твой сбежавший кабальеро появился в городе, между нами стали происходить какие-то недоразумения. До сих пор мы никогда не ссорились и прекрасно понимали друг друга, могли обсудить по душам любую проблему...

– Перестань дергаться и веди себя как обычно, – не отрываясь от книги, отозвалась Ольга. – Увидишь, сразу исчезнут все проблемы, и даже обсуждать ничего не надо будет.

– Вот видишь, едва я начал говорить – начались упреки. Ты действительно считаешь, что это я во всем виноват? Что я первым стал вести себя не так?

– Если ты думаешь иначе, то объясни подробнее – что предосудительного сделала я? Бросила тебя, разлюбила, пошла налево? С чего ты каждый раз, как я пообщаюсь с Диего, начинаешь предъявлять какие-то претензии? Откуда у тебя убеждение, будто я не должна с ним даже разговаривать, а уж тем более позволять проводить себя домой? Он мне больше не любовник, но это не делает его автоматически моим врагом. Нам с ним нечего делить, и у нас нет никаких причин враждовать, кроме твоего желания.

– Ты постоянно думаешь о нем. Я же вижу. Ты нервничаешь каждый раз, как он уходит с очередной твоей подругой. Ведешь себя с ним не как с чужим человеком, а как со старым и близким другом. И общаться с ним тебе нравится.

– А тебе хотелось бы, чтобы он мне вдруг и разом опротивел? Да, мне всегда нравилось с ним общаться. И до сих пор нравится. До тебя не доходит, что общение и любовь – немного разные вещи?

– Неужели тебе самой приятно слушать все то, что он говорит обо мне?

– В этом отношении вы друг друга стоите, и можешь не сомневаться, мне одинаково неприятно слушать обе стороны.

– Но ведь наши друзья и знакомые тоже все это слушают! И не просто слушают, а еще и верят! Вот ты можешь объяснить, почему Гарри вдруг так внезапно разонравилась моя идея насчет совместной программы? Я готов спорить на что угодно, это очередная подлянка от дона Диего.

– Тогда следует откровенно поговорить с Гарри и разобраться, из-за чего он так с тобой поступил. А все остальные мои друзья... Как ты не можешь понять, они же не только мои, но и его друзья! И Элмар, и Жак, и даже его величество – все они хорошо знают Диего и любят его. И будут с ним дружить независимо от того, как поступлю я. А ты, кстати, и в этом отношении ведешь себя по-дурацки. Когда ты втирал Элмару о сомнительности «права сильного» и всяких там «руках в крови», ты не подумал, как он это воспримет? Тебе не пришло в голову, что два воина в таком вопросе лучше поймут друг друга, чем тебя?

– Я высказывал свое мнение. То, что думал. Что на душе было. И меньше всего при этом беспокоился, как произвести впечатление на собеседников. Наверное, действительно зря. Надо заботиться о репутации. Создавать себе правильный

образ. Лгать, притворяться, льстить и поддакивать, чтобы меня любили так же, как предшественника.

Это было сказано с такой горечью, что Ольга с трудом поборолла желание тут же рассыпаться в утешениях. Несмотря на то что сказана была полнейшая глупость.

– Как раз наоборот, – уверенно возразила она, стараясь хоть раз проявить твердость и не потакать приступам сострадания. – Диего заслужил уважение моих друзей именно тем, что никогда не делал ничего из вышеперечисленного. А ты уж как-нибудь постарайся не ляпнуть подобной глупости при людях, а то ведь засмеют.

– То, что говорит он, – слушают и верят. А меня, значит, засмеют. Спасибо.

– Ты так ничего и не понял... – Ольга с досадой отложила книгу, так как совместить чтение с неприятной беседой все равно не получалось. – Вот посмотри. Ты практически совсем не знаешь Диего. Ты его не любишь только потому, что видишь в нем соперника. А раз ты его не знаешь, тебе нечего о нем сказать. Вот ты и говоришь, что тебе взбредет в твою одурманенную ревностью голову. Что попало, лишь бы звучало эффектно. А люди, которые тебя слушают, знают Диего давно и хорошо. Знают, чем он реально хорош и чем плох. Так что, извини уж, если ты скажешь королю, будто Диего ему льстил и поддакивал, его величество рассмеется тебе в лицо и не поверит больше ни одному твоему слову. И никто не поверит, потому что все было как раз наоборот. При дворе до сих пор вспоминают, как товарищ Кантор огрызался, хамил королю и даже один раз швырнул в его величество ложкой.

– И король ему это прощал? – недоверчиво насторожился Артуро. – Что-то не верится.

– Не всегда, но его величество по жизни необидчивый.

– А тебе не кажется, что тут все-таки что-то нечисто?

– В каком смысле? Хочешь сказать, что это неправда? Так я сама несколько раз слышала.

– Нет, я не о том. Ты не задумывалась, почему так происходит? Почему этот агрессивный невоспитанный тип с сомнительным прошлым пользуется такой популярностью? Грубит всем подряд – и ему прощают, даже король почему-то не обижается на его дерзкие выходки. Пытается что-то сыграть с огрехами через такт – ему все аплодируют и величают гением-самородком. Мямлит непонятно что на прослушивании – и ему дают роль. Кроме того, на него вешаются все твои подруги, и даже ты до сих пор к нему равнодушна, что бы ты сама по этому поводу ни говорила. Тебе не кажется странным все это? Тебе никогда не приходило в голову, что такая подозрительная притягательность может быть... искусственного происхождения?

– Ты имеешь в виду – магического?

– Сама же говорила, у него есть способности. А что они стихийные и бесконтрольные – это уж он тебе сам сказал. Кто поручится, что это правда?

«А действительно, кто? – засомневалась Ольга – Ведь и в самом деле, никогда над этим не задумывалась, а очень даже может быть...»

Однако вслух признавать правоту оппонента она категорически не желала и уже исключительно из чувства противоречия нашла возражение:

– Если бы что-то такое было, придворные маги давно бы заметили. Мэтр Истран точно бы заметил, он даже с этой редкой неклассической школой знаком. Уж чего-чего, а магически воздействовать на короля никто бы не позволил. И Мафей такие вещи чувствует, и Азиль, да и Жак тоже вроде бы что-то такое может. А вообще, прежде чем такие теории выдвигать, их проверять надо. А то ведь если бы, например, ты сказал что-то подобное королю, он бы обязательно тут же проверил – а в самом ли деле там все чисто? И если ты ошибся, как ты потом будешь выглядеть, учитывая ваши с Диего взаимные «симпатии»? Если не хочешь, чтобы твои личные ошибочные впечатления принимали за сознательную клевету, лучше не рассуждай о том, чего не знаешь.

– А он обо мне что-нибудь знает?

– Без понятия. Но в одном я уверена – если он сморозит о тебе какую-нибудь глупость, ему тоже не поверят. С чего ты вообще взял, будто он настраивает против тебя кого-то из друзей? Маэстро Карлос не любил тебя и раньше, и ты

сам знаешь почему. Гарри... Мало ли почему он мог передумать, спроси его сам. Все, что подумал о тебе Элмар после той беседы, – полностью твоя личная заслуга. А что касается короля... Загадочные процессы, происходящие в его черепушке, непостижимы для простого смертного, и я не возьмусь в них разбираться. Но его величество – человек очень здравомыслящий, хладнокровный и беспристрастный. Любую услышанную информацию он сначала прогоняет по всем извилинам своих нехилых мозгов и только потом определяет, стоит ли принять ее за правду. Бездоказательные заявления типа «он плохой, а я хороший» у него не прокатят. Факты, и только факты, с обоснованиями и доказательствами. Так что управлять симпатиями его величества никто из вас двоих не потянет.

– А мне кажется, что он в своих симпатиях уже определился. Так как наша позавчерашняя беседа поразительно напоминала вежливое и методичное размазывание по полу одного из участников.

– Если кажется, креститься надо! – проворчала Ольга, опять подхватывая книгу. – Неужели непонятно, что король тебя щупал со всех сторон и делал это именно для того, чтобы составить о тебе собственное непредвзятое впечатление! Каким оно получилось – это уже твоя личная проблема. На выводы его величества теперь не повлияют ни мои заверения, что ты хороший, ни вопли Диего, что ты плохой. И довольно об этом, а то я опять не успею на завтра подготовиться.

– А что мне делать с работой?

– Завтра пойдешь и найдешь другую. Ты что, в первый раз работу меняешь? Жак правильно сказал, музыканты всегда где-нибудь требуются...

– Кто же меня возьмет с такой красотой под глазом?

– Тогда подожди, пока сойдет. Или сходи к специалисту, может, есть магические способы как-то ускоренно вывести. Артуро, ну ей-богу, неужели я должна водить тебя за руку к доктору и сама искать тебе работу? Детский сад, штаны на лямках! Хочешь, чтобы я попросила его величество пристроить тебя в придворные барды?

– Нет, – быстро и немного испуганно отозвался мистралиец. – Только не в придворные. Это предел падения для барда, это хуже, чем играть по кабакам. Денег там платят, правда, достаточно, но с творчеством приходится расстаться навсегда. В большинстве своем придворные барды – это те, кто утратил Огонь с возрастом и не способен больше создать ничего своего. А для таких, как я или ты, работа придворного барда – верный способ сгореть.

– Тогда чего ты еще от меня хочешь? Я познакомила тебя со всеми, кого знаю сама. Других знакомых у меня нет, и найти кого-то, кто взялся бы тебя раскрутить, мне негде. Я только господина Пуриша знаю, но он же точно не захочет с тобой работать, и сам знаешь почему. Ты ходил к тому толстому дяденьке, с которым тебя познакомила Санья?

– Ходил.

– Что он сказал?

– Что мне нужна новая программа. Что нельзя всю жизнь гонять одно и то же. Что его не интересуют хиты десятилетней давности.

– Вот и займись для начала. Выучи новые песни, сделай эту новую программу, а потом уже с чем-то готовым начинай пробиваться. А то действительно, кто ж тобой будет заниматься, если у тебя репертуар настолько старый...

– А как ты думаешь, откуда они берутся, новые песни? Так вот, открыл тумбочку – и взял?

Ольга, которая до сих пор не задавалась столь приземленными вопросами, на минутку задумалась и вспомнила, что советовал когда-то Диего побитому Плаксе.

– Их пишут сами или покупают. Да?

– Вот и подумай, на какие шиши я их куплю? Чтобы подняться хоть на ступеньку выше, надо сделать новую программу, а чтобы ее сделать, надо сначала заработать денег, а по кабакам таких денег не заработаешь. Это замкнутый круг, и я не знаю, как из него вырваться.

– Единственное, что я могу тебе посоветовать, – попробуй написать сам. Тексты как-нибудь найдем, поэтов вокруг, как собак нерезанных, не думаю, что они много запросят. В крайнем случае, я в собственных пороюсь, выберу что-то попрличнее. И в последний раз тебя прошу, дай мне спокойно подготовиться к завтрашнему занятию! Поиграй, почитай, сходи на кухню что-нибудь съешь, но только не отвлекай меня пару часов! Я уже ни хрена не въезжаю, из-за чего дуэль и при чем тутдохлый попугай...

Артуро печально вздохнул и ушел на кухню, оглянувшись напоследок в дверях и скорбно посетовав, что Ольга и до завтра не въедет в суть пьесы, если будет и дальше коситься на потолок и переживать, что ее бывший любовник трахает ее подругу.

– Дубина! – разъярилась Ольга и запустила ему вслед тапочкой. – Да я об одном переживаю – хоть бы он не сбежал от нее точно так же, как от Дианы! Хоть бы он успокоился да с кем-нибудь наконец утешился! А у тебя все мысли об одном! Дон Тенорио, блин, нашелся!

Хотела еще добавить издевательский вопрос, не хочет ли он попросить у нее денег на раскрутку, но все же сдержалась. Денежный вопрос у маэстро Артуро – крайне больной, и такая насмешка могла быть воспринята как смертельное оскорбление.

Если поначалу у Ха Танг и были некоторые сомнения, не влетит ли ей от братца за развлечения на задании, то после первого же поцелуя они застенчиво увяли и осыпались. Во-первых, в контракте ничего не было сказано про обет целомудрия, во-вторых, никаких последствий от маленького приключения не предвидится, а главное – ну интересно же! Столько всего об этом ненормальном мистралийце рассказывали, ну как не проверить, коли уж случай подвернулся! И ведь красивый мужик, и целуется так, что неопытная девица от одного поцелуя может в обморок брякнуться, и руки у него такие нежные и сильные... ах, как такому отказать?

Соблазнительные рассказы не ввали – дон Диего действительно был хорош. Не из тех, кто пытается поразить девушку количеством, а внимательный и чувствительный любовник, которому не надо объяснять, что и когда, – он сам все понимает. Не любитель изощренности, граничащей с извращениями, но веселый чудаковатый сумасброд, способный самое обычное действие превратить в сказочное приключение. Дура Ольга, что еще сказать! Такого мужика отшила!

Счастливая, распаленная страстью Ха Танг оттянулась за все полгода вынужденного воздержания и, напрочь позабыв на радостях о работе, позорно прошляпила один тонкий и важный момент. Даже два, хотя второй уже не играл особой роли в дальнейшем развитии событий. Даже если бы она вовремя заметила резкую перемену в настроении мистралийца, это уже ничем бы не помогло.

Маэстро Диего отчего-то приуныл, утратил боевой задор, грустно притих и задумался, словно вдруг вспомнил о чем-то ужасно неприятном. По-птичьи нахохлившийся, с торчащими растрепанными прядями, выбившимися из хвоста, он напоминал заклеванного бойцового петуха после разгромного поражения.

– Ты чего? – Ха Танг даже растерялась.

Так все было здорово и весело, был мужик в прекрасном настроении, ни на что не жаловался, и вдруг на тебе! Или это у него теперь после каждой новой женщины начинаются угрызения совести и тоска по Ольге?

– Я? – Мистралиец востропнулся, тревожно стрельнул глазами по сторонам и тут же улыбнулся, неискренне и до отвращения фальшиво. – Нет, ничего... Задумался...

Видимо сам догадавшись, как выглядит его улыбка, мгновенно погасил ее и медленно выпрямился. Что-то явно шло не так, и нюх говорил, что это «не так» может иметь серьезные и опасные последствия, но того, что произошло далее, Ха Танг никак не ожидала.

Все с той же печальной и даже немного виноватой миной Диего произнес:

– Извини, что испортил тебе настроение, но...

В следующий миг ее подбросило, перевернуло, крутануло, распластало по кровати под тяжестью чужого тела, словно железной цепью обхватило горло...

– На кого ты работаешь?

– Ты что, с ума... – пискнула Ха Танг, и пальцы на ее шее сжались сильнее.

– Я не хочу тебя убивать, – серьезно и даже сочувственно произнес где-то над головой хрипловатый голос мистралийца. – Если скажешь сразу, я тебя отпущу и больше не трону. Только быстро. Кто ты и на кого работаешь?

– Пусти... – еле выдохнула бедная девушка, заранее предвидя реакцию Флавиуса на позорный провал агента.

Хватка на горле чуть ослабла, но заломленную руку прижало сильнее.

– Говори.

– С чего ты взял?

– Милая, ты слишком много врешь. Ты старше, чем утверждаешь, и мужчин у тебя было предостаточно, и Тень твоя до сих пор не пылилась без использования, и даже имя у тебя ненастоящее. Не думай меня обмануть.

– Если ты меня убьешь... – судорожно принялась соображать Ха Танг, – потом не отмажешься...

– Мне не придется отмазываться, – уверенно ответил мистралиец, и не думая поддаваться на такую дешевую угрозу. – Мне еще и медаль дадут. Не полощи мне мозги, быстро говори: на кого работаешь и зачем крутишься возле Ольги?

Это был не просто провал, а глупейший и позорнейший провал в истории департамента. Натрахалась, блин! Ощущений – на всю оставшуюся жизнь!

– В последний раз спрашиваю: на кого работаешь?

Верность короне, конечно, штука хорошая, но быть удушенной своими же по подозрению демоны знают в чем – это уж нездоровый героизм.

– На... корону... – жалобно прошептала Ха Танг, с ужасом представляя себе, что будет, если он не поверит.

– Где значок?

Хороший вопрос! Замечательный вопрос, особенно когда его задают абсолютно голому человеку! Но хвала светлым небожителям, он хотя бы знает о существовании этих значков, и можно даже надеяться, знает, как они выглядят... Должен знать, он же служил в личной охране короля и наверняка носил такой же...

– Во внутреннем кармане курточки... потайной кармашек...

Ага. Заминка. Курточка висит на стульчике, а до стульчика с кровати не дотянуться, да и руки заняты.

– Сейчас я тебя отпущу и проверю твою курточку. Лежи тихо и головы не поднимай. Тебе же хуже будет.

Нашел дуру, голову поднимать. Ага. Когда его пояс с оружием прямо на той же курточке висит... Ну откуда ты взялся на многострадальную задницу бедной девушки, со своими стихийными способностями и офигенной наблюдательностью! Ведь теперь отзовут, взгреют, да хоть бы не уволили, а то ведь... восемнадцать лет каторги!..

– ...! Настоящий! – с невыразимым огорчением выругался мистралиец, который, видимо, как раз добрался до вожделенного доказательства.

– А ты надеялся, что все-таки фальшивый? – всхлипнула Ха Танг, так и не поднимая головы от подушки. – Так тебе хотелось самолично врага короны разоблачить и еще разок прославиться? Гад, подлец, зараза, сволочь такая! Убери от меня руки!

– Тише. – Гад и не подумал убирать руки, а, напротив, настойчиво, чуть ли не насильно перевернул несостоявшуюся жертву лицом вверх и опять обхватил за шею, только на этот раз мягко, осторожно. – Я только посмотрю... Нет, следов не осталось, хвала небу. Ну не плачь, пожалуйста, мне самому неприятно... Выставил себя идиотом, еще и тебя напугал. Успокойся, все нормально, я никому не скажу. Тебя король приставил за Ольгой присматривать?

– Тебе «все нормально», а со мной теперь Флавиус знаешь что сделает!

– Ничего он тебе не сделает. Откуда он узнает?

– А ты королю не скажешь?

– Не скажу, – покаянно пообещал мистралиец, прижимая к груди рыдающую девушку. – Честное слово, ни королю, ни Флавиусу, никому, только... Есть кто-нибудь, кроме них, кто знает о тебе?

– Жак. А зачем?

– Для контроля. Вот завтра я схожу к Жаку и попрошу, чтобы он точно подтвердил все, что ты сказала. А больше никто не узнает.

– Он же трепло! Он же сразу все королю доложит!

– Не сдал же он тебя до сих пор. И теперь не сдаст, если ему объяснить, чем это тебе грозит. Не плачь. Все будет хорошо. Я даже Ольге ничего не скажу. Слово чести.

Ха Танг уткнулась лицом в его плечо и разревелась еще горше.

Глава 3

Фрекен Бок сидела на стуле и плакала, а Карлсон стоял в сторонке, и вид у него был смущенный. Никто ничего не говорил, все чувствовали себя несчастными.

А. Линдгрен

– Ольга как всегда опаздывает, – недовольно заметил Шеллар III, обратив взор на часы. – А из-за нее задерживаются и Кантор с Мафеем. Или опять проспала, или, как обычно, с утра обнаружила на платье пятно, которого не заметила вчера, и теперь в спешном порядке гладит другой наряд...

– Да ладно вам, – хихикнул верный шут. – Гораздо хуже, если она только что обнаружила, в какой компании ей предстоит отправляться, и заартачилась. Или это обнаружил ее маэстро и опять начал выяснять, а любит ли она его, и насколько сильно, и кого она любит больше – его или Кантора.

– Поражаюсь, – так же недовольно поморщился король. – Вроде умная девушка, как она умудрилась связаться с этим бестолковым ничтожеством? Мало того что он врет через слово, так еще и глуп, как гоблин.

– Да ладно вам, это на вас Кантор плохо влияет. Если Артуро ухитрился всех вокруг успешно надурить, значит, он не настолько глуп. Не появись Кантор со своими воспоминаниями, никто бы так и не узнал...

– Не преувеличивай. Если бы не вмешался Кантор, вся эта идиллия продолжилась бы ровно до того момента, когда Ольгиной личной жизнью заинтересовался бы я. И если я говорю, что человек глуп, это так и есть.

– Но почему? Что он такого глупого сделал?

– Врет он бездарно, вот почему. На первый взгляд вроде складно, но, помилуй, Жак, каким же болваном нужно быть, чтобы лгать о вещах, легко проверяемых? Ладно, украл он у товарища авторство довольно известного произведения и уверяет теперь, что его оклеветали из зависти. Это я еще понимаю, дело темное, и проверить факты уже невозможно, только слово против слова. Ладно, романтическая история с превращением – тоже проверке поддается с трудом, какой же маг признается. Но общеизвестные факты о покойном родителе выдавать за происки врагов – это уже глупость редкая. Прикидываться разведенным, зная, что с него могут потребовать документ, тоже довольно бестолково. А уж рассказывать всякую ерунду о Канторе людям, которые его отлично знают, Ольге в том числе, – это уж совсем не поддается логике... Нет, ну это безобразие, где же Ольга и Кантор, в конце концов?

– Может, это не Ольга, а Кантор не успел собраться? Он сегодня с утра ко мне забегал...

– А что ему от тебя понадобилось с утра?

– Ой, это хохма еще та. Хотите, расскажу, только поклянитесь, что господину Флавиусу не скажете.

– Погоди, если это каким-то образом касается...

– Нет-нет, интересов короны и всякой прочей государственной безопасности это никак не касается. Давайте клянитесь. А то с меня тоже слово взяли, что не разболтаю...

– Я и вижу... – Шеллар не удержался от смеха. – Неужели Кантор не знает цены твоему честному слову?

– Ну тут дело только в том, чтобы господин Флавиус не узнал...

– Хорошо, честное слово – он не узнает. Что случилось?

– Сегодня раненько-раненько, когда нормальные люди еще спят, только всякие короли шибко трудолюбивые уже занялись государственными делами, вваливается ко мне Кантор, весь на стреме и в некотором охренении. Полчаса требует клясться всем, что видит, в моем несокрушимом молчании и вечном хранении его страшной тайны, после чего выдает такой вопрос: правда ли, что бухгалтер Зинь есть на самом деле агент короны, и правда ли она Ольге только добра желает?

– Вот тут мы прокололись... – мигом сообразил король. – Кантор ее раскусил? Проклятье, надо было его заранее предупредить! Он же эмпат и видеть тоже умеет... Но откуда так точно? Она что, ему призналась?

– Я бы тоже признался, если бы меня так придушили и пригрозили убить на месте.

– Он решил, что Ха Танг работает на каких-нибудь врагов? – так же быстро сообразил Шеллар. – В таком случае она правильно сделала. Убил бы без колебаний. Или начал бы выяснять примитивными грязными методами. А с чего такая секретность?

– Да Ха Танг теперь боится, что ее отзовут, накажут, выгонят и тому подобные страсти. А ей тут так нравится, так все хорошо, такой коллектив приятный, жалко будет расставаться... Вот Кантор ей и пообещал в утешение... Не забудьте, ваше величество, вы поклялись!

– Действительно, смешно слушать. Да ее давно пора было отозвать, и не за то, что перед Кантором раскололась, а за то, что этого идиота Сан-Барреду прошляпила.

– Так это ж еще не все, ваше величество! Главная хохма еще впереди! Успокоил я товарища Кантора насчет агента Ха Танг, все вроде хорошо, а тут он возьми и спроси: а чего, дескать, она так пугается именно господина Флавиуса? Он что, напрямую с ней работает мимо прочих средних начальников? Я и сказал ему сдуру правду... Ваше величество, надо было видеть эту рожу! Я рыдал, я впервые за последние шесть лет пожалел, что под рукой нет камеры! Наш грозный кабальеро сделался серым с прозеленью и потерял дар речи, и челюсть его грянула о пол, подобно сорвавшейся вагонетке, а глаза вылезли за линию бровей...

– Жак, ты что, читал на ночь мемуары Рутгера Шварца Одиннадцатого? – нетерпеливо перебил король. – Откуда такой слог? Хотя да, взглянуть на лицо Кантора в тот момент и я бы не отказался...

– Вот не перебивайте, ваше величество! Это же еще не все! Вы же еще не все знаете! Я, хоть и начал сползать помаленьку под стол, все же догадался спросить: а из-за чего, собственно, такое интенсивное удивление? И что, вы думаете, он мне ответил? Только, чур, никому, он меня убить обещал, если вам скажу...

– Я и вижу, как ты испугался, – уже с откровенной насмешкой отметил Шеллар. – Ладно, обещаю.

– Подобрал товарищ Кантор с полу свою челюсть и говорит: «Я тут глупость такую сотворил... Не знаю, как и сказать... В общем, я с ней... того... переспал...» Дальше я уже из-под стола слушал, потому что сполз нечаянно. А Кантор почему-то обиделся. Ему с какой-то радости показалось, что это не смешно.

Король подавил очередной смешок и опять посмотрел на часы.

– Я понимаю, что так обеспокоило Кантора, но неужели у него не хватило ума сообразить, что в семье Шэ целомудрие не входит в список необходимых добродетелей и что господину Флавиусу уж лет пять как неинтересно, с кем спит его сестра? Или ты, как обычно, преувеличил все, чтобы смешнее выглядело?

– Ну... может, самую малость. Но это правда надо было видеть! Я еще полчаса после его ухода смеялся и не мог успокоиться.

– Тебе бы только посмеяться. А бедный Кантор, наверное, представляет себе кошмарные сцены с ритуальными ножами и повешением на воротах...

– Да, на мой взгляд, ему достаточно того факта, что он с главой департамента «породнился».

– Жаль, что я пообещал молчать, – усмехнулся король. – Флавиус бы тоже посмеялся... Но на всякий случай, уж будь добр, объясни Кантору, что за жизнь и здоровье девушки он беспокоится напрасно. Если дело действительно в этом, а не, как ты полагаешь, в самом факте, такое объяснение должно беднягу утешить... О, а вот и Мафей. Хвала богам, наконец-то наши запропавшие гости явились, и можно отправляться. Ольга, отчего ты такая сердитая? Опять какие-то проблемы с одеждой?

– С вашим кузенom бестолковым проблемы! – огорченно выпалила Ольга, изничтожая бедного эльфа гневным взглядом. – Если уж вы решили подключиться к массовой акции «Вернем Ольгу законному владельцу» и затолкать меня в один телепорт с Диего, неужели нельзя было хотя бы предупредить Мафея, чтобы не приводил его в дом, когда там Артуро? Неужели нельзя было сначала меня забрать, а потом уж Диего?

Его величество, который лично приказал кузену совершить упомянутое безобразие, с самым невинным видом пожал плечами.

– Да какая разница? Неужели маэстро Артуро настолько недалекий и ограниченный человек, что станет ревновать, тем более вслух?

Кантор чуть заметно усмехнулся.

– При мне он ничего неподобающего не произносил.

– А при мне – произносил, – вставил Жак.

– Он что, смеет предъявлять какие-то претензии? – начал заводиться мистралиец. – Ольга, это что, не шутка? Этот убогий обманщик еще имеет наглость высказывать тебе какие-то упреки? При всем том, что ты для него делаешь? Я начинаю жалеть, что пообещал его не трогать.

– Успокойся, – перебил его король. – Если Ольге действительно понадобится твоя помощь в решении каких-либо проблем, она тебе скажет. А пока она вполне справляется самостоятельно. Оставим бесполезную болтовню, господа, и следуйте за мной. Мы и так едва не опоздали.

Они спустились в зал, где уже собралась вся ортанская делегация и все придворные телепортисты, и спустя пять минут Ольга с интересом рассматривала внутреннее убранство Кастель Коронадо. Действительно, мистралийский двор сейчас не блистал той роскошью, что восторженно описывалась в литературе прошлых лет. Не сияли знаменитые гирлянды осветительных шаров, не пестрели яркие ковры и гобелены, не слепило глаза обилие золотых украшений, не переливались в лучах солнца драгоценные камни, которыми когда-то были инкрустированы скульптуры по углам тронного зала. Но, несмотря на скромность отделки, общее впечатление оставалось величественным. Обилие белого мрамора, высокие потолки и огромные окна создавали ощущение легкости, воздушности и прозрачности. Ольге сразу представился белоснежный парусник, летящий между кристально-чистой водой и синим небом с белыми облаками.

Пока она любовалась и воображала себе всякие романтические картины, король отдал несколько кратких распоряжений и куда-то удалился вместе с группой гномов, входивших в делегацию. Официальная часть мероприятия заключалась в том, что все короли некоторое время будут уламывать предводителей бывших мистралийских гномьих кланов, доказывая необходимость и безопасность возвращения на родину. Потом подпишут какие-то международные договоры об огнестрельном оружии. А уж после предполагалось гуляние с развлечениями.

Поскольку самой Ольге было велено никуда не отходить от Киры, она отказалась от мысли попятиться в окна и приготовилась немного поскучать. Судя по тому, с

каким целенаправленным интересом рассматривал присутствующую публику Диего, обсуждать с Ольгой всевозможные пороки соперника он не собирался. У него были или какие-то собственные планы, или задачи, которыми его величество всегда успевал нагрузить даже чужих подданных.

Взгляд мистралийца остановился на некоем невероятно интересном объекте, после чего вдруг заметался, наткнулся на Ольгу и в смятении переключился на изучение ближайшей скульптуры. Ольга попробовала поискать, что же в замеченном направлении так смутило Диего, обнаружила группу придворных магов и слегка остолбенела.

Между мэтром Истраном и лондрийской волшебницей, похожей на миссис Аддамс, стояла действующая модель «дон Диего через тридцать лет». Судя по традиционной мантии, а также по компании, в которой находился почтенный мэтр, это был нынешний придворный маг Мистралии. Тот самый вернувшийся из небытия мэтр Максимилиано, наставник принца Орландо, возлюбленный маэстрины Алламы и отец маэстро Эль Драко. То есть, выражаясь словами Жака, «виртуальный свекор». Так что же выходит, они действительно братья? Или все же?.. Как бы то ни было, Диего точно что-то знает! Если бы он видел мэтра впервые и удивился необъяснимому сходству, он бы не смущался так и не метался, как застигнутый с поличным воришка. Тут явно что-то нечисто!

Ольга хотела было дернуть Диего за рукав и нарочно обратить его внимание на придворного мага, чтобы посмотреть на реакцию и послушать хоть какие-нибудь объяснения, но хитрец успел шмыгнуть куда-то в сторону за миг до того, как она протянула руку.

С огорчением проследив, как он приветствует какого-то незнакомого ей, но очень представительного дяденьку, Ольга решила привлечь к полезной деятельности королеву.

– Кира, – тихо шепнула она. – Посмотри во-он туда. На придворных магов. Видишь мистралийца? Он тебе никого не напоминает?

Кира довольно равнодушно скользнула взглядом по указанному господину и коротко кивнула.

– Это придворный маг Мистралии. Я его уже видела. Да, на Кантора похож, все замечают. Спрашивать было неуместно и невежливо, но Орландо говорил, что менее воспитанные и более любопытные пристают к мэтру с вопросами до сих пор.

– И?

– Он только разводит руками и говорит, что все возможно, но младенца ему признавать не приносили, а вспомнить, кому из своих многочисленных любовниц он теоретически мог оставить подобный подарок, мэтр уже не в силах за давностью лет. Если бы Кантор не таился и не скрывался так тщательно, можно было бы расспросить его о матери. Вероятно, это освежило бы память забывчивого старого повесы. Но ведь Кантор не скажет.

– Странно, почему он до сих пор так и не рассекретился? Ведь все давно закончилось, он уже не беглый преступник, никто его не преследует, а даже наоборот. Что он такое скрывает, как ты думаешь? Чего он боится?

– Чего угодно. Начиная с банальной мести за чьих-нибудь убитых родственников и заканчивая не менее банальной задолженностью по алиментам.

Ольга хихикнула, вспомнив печальную участь разоблаченного Плаксы, и поддела ее величество:

– Верно говорят, что супруги со временем становятся похожи друг на друга. Ты говоришь точно как король. Кстати, какие алименты, если у Диего не может быть детей?

– А откуда ты знаешь, может, он заработал бесплодие заодно с алиментами. Примерно так же, как твой бард превратился в пустынного скалозуба, – не осталась в долгу Кира.

Ольга представила себе вероятное потомство Диего – рогатки, бьющие без промаха, драки каждый день, учителя в бесконечном путешествии по вечному эротическому маршруту, секс раньше курения – и ужаснулась. Если предположить, что таких потомков несколько, и представить, что в один прекрасный день мамыши одновременно припрут их папеньке, все «почему?» сразу отпадут.

Между тем Диего и его представительный собеседник оборвали разговор и неторопливо зашагали по залу, оглядываясь по сторонам и кого-то высматривая. Через десяток шагов их движение обрело конкретное направление. Господа приблизились к Мафею, который в очередной раз безуспешно пытался отвязаться от принцессы Жанны, раскланялись, пошушукались и вдруг без предупреждения куда-то телепортировались.

– Ты видела? – Изумленная Ольга опять дернула за рукав королеву. – Куда это они?

– Не знаю... – Кира, похоже, была удивлена не меньше.

– А кто это был? Тот, третий, что с ними ушел?

– Граф Гаэтано. Кантор когда-то воевал под его началом, они давно знакомы. Очень достойный господин. Вот уж от кого я меньше всего ожидала подобной бестактности.

– А это неприлично – так телепортироваться на виду у всех?

– Не то чтобы неприлично, скорее некрасиво. Но я не об этом, а о том, что господа своим поспешным бегством поставили принцессу Жанну в очень неловкое положение.

– А чего она постоянно Мафея достает? Неужели не видит, что ему не до нее?

– Мафей сам виноват. Корчит перед ней романтического героя, а потом удивляется, чего это она так к нему прилипла. Я как-то раз услышала краем уха, что он мелет, чуть не испортила торжественный момент неуместным хохотом. Неужели мы в их возрасте были такими же бестолковыми?

– Я – точно была, – честно призналась Ольга. – А вообще-то ты права, нехорошо получилось с принцессой. Она теперь не знает, куда деваться, бедная. Да и народ вокруг в недоумении. Ой, а что это за мужик к ней подошел, такой смешной?

– Я иногда поражаюсь оригинальности вашего восприятия, – негромко произнес за спиной у Ольги тихий невыразительный голос. Господин Флавиус в своем репертуаре – подкрасться бесшумно и сказать что-нибудь веское... – Если вам интересно, этот господин – Одноглазый Астуриас, одна из видных фигур в местной оппозиции, опаснейший человек, между прочим. Госпожа Ольга, у меня к вам будет небольшая просьба. Взгляните вон туда. Человек в ярко-синем камзоле с оранжевым шейным платком. Видите?

– Еще бы такой кошмар дальтоника не заметить...

– Когда вернется дон Диего, незаметно покажите ему этого господина и спросите, тот ли это самый. Его ответ так же незаметно сообщите мне.

Кира еще раз присмотрелась к одноглазому, как бы сверяя с характеристикой, и поинтересовалась:

– Ольга, а что тебе в нем показалось смешным?

И попробуйте объяснить человеку, никогда не видевшему мультик про ловушку для кошек, как этот опасный господин напоминает одноглазого кота с рваным ухом и насколько смешно это сходство? Ольга честно попыталась, и пересказ в лицах затянулся на полчаса. В результате она успешно развлекла королеву и ближайших слушателей, но так и не смогла прояснить, что здесь смешного.

Между тем исчезнувшая троица вернулась так же неожиданно, как и удалилась. Диего выглядел немного нервным и в то же время удовлетворенным, словно только что исполнил важное, но лично ему неприятное дело. Его представительный спутник пребывал в полнейшем смятении, а Мафей с боязливым интересом на этого господина поглядывал, не решаясь заговорить первым.

Диего быстро раскланялся, оставив их вдвоем, и вернулся на прежнее место. Ольга, страшно гордая оттого, что ей удалось не забыть о поручении господина Флавиуса, первым делом добросовестно выполнила все указанное и только после этого приступила к вопросу, который так ее интересовал. Но, как оказалось, момент был упущен. Надо было шустрее поворачиваться и ловить кабальеро в растерянности. А сейчас он давно успокоился, и заданный вопрос его ничуть не взволновал.

– Не знаю. Все может быть.

– А ты не интересовался? Даже не познакомился? Хотя бы из любопытства?

– Я знаком с мэтром Максимильяно. Он специалист по стихийным проклятиям, и я к нему обращался за консультацией. А интересоваться нашим сходством... Сама же понимаешь, как это будет выглядеть. Как будто я в родственники набиваюсь. Если ему это надо, сам спросит. Меня вот как раз другое интересует... – Он обернулся к Кире. – Ваше величество, могу я вас попросить представить нас с Ольгой мэтру Хирону? Мне нужно кое-что у него спросить, но я не уверен, помнит ли он меня.

Кира усмехнулась.

– Сомневаюсь, что он мог забыть твои эгинские подвиги, но если желаешь...

– А мне-то зачем? – попробовала возражать Ольга, которой всегда было неловко общаться со столь значительными персонами.

– Сначала послушаешь, что я спрошу, – уверенно ответил Диего, – а потом сама решишь, нужно ли это тебе. И если твоей первой мыслью не будет «как я сама не додумалась», то я решу, что ты сильно поглупела, и перестану удивляться твоему выбору спутника жизни.

– Не трогай Артуро! – прорычала Ольга, стремясь пресечь на корню возможную дискуссию. – Ты обещал!

– А я его и не трогаю. У меня есть мнение, и я его высказываю. По сравнению с тем, что он обо мне говорит, я очень сдержан и тактичен.

– Пойдемте уже, – нахмурилась Кира.

И они двинулись через зал.

Как и предсказывал Диего, первой мыслью Ольги действительно оказалось: «И как я сама не додумалась!» Наверное, положила на знания и опыт наставника

и даже не помыслила о том, чтобы искать консультаций на стороне. А ведь вопрос был весьма здравый, хотя на первый взгляд звучал бредово и предполагаемого консультанта несколько огорошил.

– Мэтр Хирон, вы видели когда-нибудь живого орка?

– Да, я их еще застал... – справившись с удивлением, признался придворный маг Эгины.

– Вы можете что-либо о них рассказать? Как они выглядели, как одевались, как себя вели? Что собой представляла магия орков-шаманов?

– Простите, молодой человек, вы что, решили заняться историей или этнографией?

– Я получил роль Зарби в «Юности волшебника» и хочу составить правильное представление о своем персонаже.

– Так вы теперь играете в театре? – Старый кентавр неожиданно расцвел, просиял и чуть ли не объятия распахнул. – Ах, всякий раз, когда я это слышу, словно возвращаюсь в молодость... Театр, скажу я вам, это отраву посильнее любого наркотика. Один раз свяжешься – и больше не отпустит, проживи хоть девятьсот лет, как я...

Ольга давно заметила, что больше всего на свете старики любят поговорить о своей молодости, независимо от того, шестьдесят им лет или девятьсот, люди они или другие разумные существа. Прежде чем приступить к сути вопроса, почтенный мэтр полчаса вспоминал, каким был театр во времена Аристарха Просвещенного, затем еще столько же посвятил расспросам и полезным советам. До орков дело дошло очень не скоро – когда короли и гномы уже закончили свои переговоры и всех гостей пригласили к столу. Увлеченный приятными воспоминаниями почтенный Хирон чуть ли не в обнимку повел собеседников за собой, усадил рядом и только тогда наконец перешел к тому, о чем его, собственно, спрашивали. Этнографическая лекция о нравах и обычаях ныне вымерших орков была настолько интересна, что Ольга поминутно сожалела о невозможности ее законспектировать. Но как все-таки здорово, что Кира взяла ее с собой, и какой молодец Диего, что догадался, у кого спросить! Ведь ни сама Ольга, ни ее наставник понятия не имеют о настоящих орках, да и

автор пьесы вряд ли особенно интересовался. А у маэстро Карлоса все-таки, наверное, какое-то особенное чутье на актеров. Вот кто бы подумал, что Диего хоть каким-то образом пригоден для чего-то большего, чем массовка или кордебалет? Да сама Ольга ему бы и «кушать подано» не доверила, ибо не представляла себе гордого Кантора в роли прислуги. А маэстро нашел что доверить! И ведь попал, в самую точку попал! Разве хоть кто-то еще из труппы работал над своей ролью настолько тщательно, чтобы рыться в истории и этнографии, да еще доставать вопросами пожилых магов? Наверное, для этого действительно надо сначала сменить класс, чтобы потом перенести прежний стиль работы на новую профессию. Так же, как раньше убийца Кантор старательно выбирал место для засады, терпеливо выжидал, тщательно целился и только потом стрелял без промаха, так и теперь Кантор-актер работал над образом с тем же усердием и упорством. И можно не сомневаться, его первое выступление будет не менее блестящим, чем его знаменитая стрельба. Если пару дней назад Ольга в этом сомневалась, то сейчас уже верила всей душой. Это будет лучший орк за всю историю постановок «Юности волшебника», самый правильный орк, самый достоверный.

И как ни странно, думая обо всем этом, она даже не вспоминала обделенного Артуро, не говоря уж о том, чтобы ему сочувствовать или считать несправедливо обиженным.

Разумеется, у самого Артуро имелось на этот счет абсолютно противоположное мнение, и примерно в тот момент, когда Ольга восторженно внимала речам почтенного Хирона, безработный бард делился своими соображениями с пожилой дамой, еще сохранившей следы былой красоты.

Помещение, в котором они находились, способно было нагнать тоску даже на самого жизнерадостного и беззаботного посетителя, что уж говорить о расстроенном барде, погрязшем в неприятностях. Окно под скромной вывеской «Эликсиры доньи Исидоры», выходящее на небольшую улочку провинциального городка, было закрыто темно-бордовой занавеской, отчего в комнате царил неприятный торжественный сумрак.

На массивном столе, покрытом скатертью из фиолетового плюша, стояли потрепанные чучела совы и кошки, кристалл в виде шара с множеством граней, пара причудливых подсвечников и плошка с застывшим воском. Эта ведьмовская атрибутика, призванная наводить трепет на посетителей, тем не менее не

оказывала заметного воздействия на незадачливого маэстро. Гораздо больше его беспокоили другие проблемы, которые он как раз излагал, пристроившись у стола и неровно барабанил пальцами по скатерти.

У большого шкафа с кучей выдвижных ящичков и уставленных склянками полочек стояла хозяйка помещения. Она задумчиво слушала грустную историю барда, неторопливо растирая что-то в большой мраморной ступке и время от времени протягивая руку за новым ингредиентом.

– Вряд ли, – сказала наконец ведьма, оглядываясь на полочки своего изобильного шкафа. – Не думаю, что это может помочь. Единственное, что ты можешь сделать в данной ситуации, – это срочно подыскать себе другую женщину, пока тебя не выгнала эта. Чтобы тебе было куда уходить.

– Но, может быть... – почти безнадежно взмолился Артуро, однако его собеседница твердо и решительно покачала головой.

– Нет, и даже не думай. Я тебя предупреждала еще луну назад. Никаких приворотов-отворотов. Если у девушки есть знакомые маги, это очень быстро раскроется. Да если бы даже и не было, любая здравомыслящая девушка периодически ходит к ведьме проверяться.

– Эта не ходит, – попытался возразить маэстро. – Она переселенка, она ничегошеньки в этом не понимает.

– Но у нее есть друзья, подруги и, опять же повторяю, знакомые маги. Не говоря уж о твоём сопернике. Любой из них может найти изменения в её поведении подозрительными, заинтересоваться и все-таки проверить. Даже не проси. Это опасно. Меня за такие вещи лишат лицензии, а ты можешь и за решетку загреметь.

– Но что мне тогда делать?

– То, что я уже сказала. Пойми, сынок, тебе ничего здесь не светит.

– А если его... – Маэстро стыдливо замялся. – Ну того... нанять кого-нибудь...

– Да не поможет это, и наличие или отсутствие соперника ничего в нынешних обстоятельствах не меняет. Когда луну назад ты сказал, что у девушки есть знакомства, я уже тогда заподозрила неладное. И уже тогда я предупреждала тебя, что это палка о двух концах. С одной стороны, ты можешь воспользоваться знакомствами и деньгами. С другой стороны, ты теряешь свободу. Ты не имеешь права на поступки, которые могут не понравиться твоей возлюбленной. Если только ты чем-либо ее прогневишь, те же знакомства обернутся против тебя. Ты не придавал этому значения, хотя уже имеешь печальный опыт. Ты решил попытаться, и я не стала тебя отговаривать. Но даже тогда я не предполагала реального масштаба связей этой дамы.

– Я сам не знал... – пожаловался Артуро. – Она никогда не хвасталась. По городу всякое болтали, и все разное. Будто она отставная фаворитка. Будто она возвысилась при дворе после подвига, а потом впала в немилость. Разные были версии, но по всем она сначала прибилась ко двору, а потом ее оттуда попросили. Какова бы ни была причина, расклад казался самым вероятным и правдоподобным. Так часто бывает. И мне такое положение дел казалось очень подходящим. Кое-какие связи еще есть, но влияние уже потеряно. Можно воспользоваться, чтобы войти в высший круг общества и завязать там знакомства, можно жениться и получить законное право распоряжаться ее состоянием и ею самой, не опасаясь впоследствии гнева обманутой женщины...

– И ты ошибся.

– Народная молва оказалась недостоверным источником. Не знаю, была ли Ольга фавориткой или, как она сама утверждает, «только дружила», это неважно. Столичные болтуны ошиблись в более важном вопросе. Она не впала в немилость и по-прежнему пользуется расположением королевской семьи. Я до сих пор в шоке... Всякое можно было предположить, но чтобы в один прекрасный вечер к моей девушке ввалился в гости сам король...

– Именно об этом я и говорю. Ты не сможешь попользоваться ее связями и бросить, когда поднимешься вверх. И деньгами завладеть не сможешь. Она не одинока и не беззащитна. Едва только она все поймет, тебе крышка. Несчастливая обманутая девушка пожалуется друзьям, и ты в мгновение ока очутишься под забором, без штанов и с набитой мордой. Это в лучшем случае. А в худшем тебя никто больше не увидит и не услышит о тебе. И зачем тебе в такой ситуации понадобилось приворотное зелье? Что оно решит?

– Теперь только оно решит все проблемы! Понимаешь, оказалось, что «подарок» чокнутого колдуна ни хрена не действует!

– То есть как «не действует»? Мы же проверяли! Молочница до сих пор верит, что ты на ней женишься, а угольщик безропотно ждет, когда ты вернешь ему долг.

– Вот не знаю почему, но на молочнице работало безотказно, а с Ольгой постоянно сбоит. То она верит, то фыркает и просит не говорить ерунды, а то, дескать, люди засмеют.

– Тебя же предупреждали, что действие ограничено. Если будешь говорить на черное «белое», то никто не поверит.

– Но сбои случаются и в более тонких вопросах. И начались именно с появлением ее прежнего любовника. Он каким-то образом так на нее влияет, что она его слушает и перестает мне верить. Мало того, и ее друзья, с которыми я успел завязать хорошие приятельские отношения, стали меня сторониться.

– И чего ты добьешься приворотом?

– Одним приворотом – нет. Тут нужен комплекс. Во-первых, избавиться от этого уголовника с его вредным влиянием. Во-вторых, приворожить девушку, чтобы она перестала делить мои слова на «разумные» и «бредовые» и делала все, что мне нужно. В-третьих, когда настанет время прощаться, достаточно будет проделать обратную операцию, и она меня сама бросит.

Донья Исидора вздохнула и надолго отвернулась к шкафу, перебирая склянки на полках.

– Самое отвратительное, – сказала она наконец, вынырнув из мебельных недр и здорово разочаровав Артуро отсутствием в руках вожаемого зелья, – когда барду достается по наследству частичка отцовской Тени. Он начинает изобретать фантастические прожекты, которые не в состоянии воплотить, так как для удачной реализации подобных замыслов требуется полноценная Тень, и немалых размеров к тому же. Артуро, забудь о своем гениальном плане и делай то, что я тебе сказала: ищи другую женщину, а эту с ее связями и устойчивостью к магии оставь бывшему любовнику. Никаких снадобий я тебе не дам. И яду

тоже не дам, иначе ты обойдешься с ним так же неумело, как с отворотным зельем, которое выпросил на прошлой неделе. Надо же было так исхитриться, чтобы все увидели, как ты его подсыпашь, а клиент так и не выпил!

– Мама, не преувеличивай! Раз скандала не произошло, значит, Зинь все-таки не видела. А что не выпил – это случайность. Хотя яд мне действительно не нужен. Это грубая уголовщина. Я не собираюсь лично пачкать руки.

– У тебя появились деньги, чтобы нанять профессионала, или ты рассчитываешь, что этим займусь я?

– Нет, мамочка, разве я стал бы подвергать тебя такому риску!

– Тогда что? Учти, нанимать нужно действительно хорошего и дорогого профессионала. Та шпана, которую ты можешь позволить на свои скромные доходы, не справится с воином. Тем более с бывшим убийцей.

– Я нашел способ избавиться от него бесплатно. Как ты думаешь, неужели убийца за столько лет не нажил себе врагов, жаждущих отомстить за покойных родственников?

– И каким образом ты собираешься их отыскать?

– А их не придется искать. – Артуро добыл из кармана листок бумаги. – На днях его величество неосмотрительно поделился со мной сведениями о нескольких убийствах, которые в свое время совершил товарищ Кантор, и я запомнил фамилии жертв. Может, у них действительно остались родственники, и они заинтересуются. Они с нас денег не возьмут, не исключено, что еще и приплатят. Обратись к тетушке, пусть попробует кого-то разыскать. А я попытаюсь добыть у Ольги денег на случай, если все-таки понадобится нанимать.

Женщина еще раз вздохнула и отставила ступку.

– Сынок, скажи: ты уверен, что оно того стоит?

– А разве нет? Разве я не достоин большего, чем играть по кабакам? Разве мой талант не достоин признания? Почему я должен прозябать в нищете, когда безголосые бездари купаются в роскоши и аплодисментах? Думаешь, хоть кто-то из них добился успеха честно, без чьих-то денег и связей?

– А не лучше было бы все-таки договориться с Роситой, законно развестись, жениться и жить как нормальная семья – купить дом, завести детей, спокойно работать?.. Мне кажется, эта Ольга девушка неплохая и тебя любит, она без всяких приворотов сделает для тебя все, что в ее силах. Почему бы и не жить с ней дальше, чем она тебя не устраивает?

– Мама, ты издеваешься? С этой девушкой можно хорошо провести время в постели, если не обращать внимания на ее бюст, вернее его отсутствие, но, великое небо, разве с ней можно показаться в обществе? Это же ходячее посмешище! Выйти в свет с такой дамой можно в одном случае – если кавалер желает выставить себя клоуном или продемонстрировать полное отсутствие вкуса! Да и не получится у нас ничего, как бы я ни старался. Этот мерзавец, ее бывший, упорно и целенаправленно гадит мне во всем, в чем только может, и жить спокойно он нам не даст. Мама, я очень тебя прошу, с ним надо что-то делать, иначе у меня и с Ольгой ничего не выйдет, и другую женщину искать будет бесполезно!

– Мне это не нравится, Артуро. Убить человека – дело серьезное и опасное. К тому же ты не задумался вот о какой возможности. Сейчас, когда твоя девушка каждый день видит бывшего возлюбленного во плоти, она еще может замечать все его недостатки и помнить старые обиды. Но представь себе на минутку, что он умер. В одно прекрасное утро его находят на улице с ножом в груди или с дыркой от пули в голове. Похороны, слезы, скорбящие друзья, надгробные речи, в которых принято упоминать только хорошее, цветы на свежей могиле. Ольга, как ты сам говорил, девушка добрая и жалостливая, да и бывший любовник ей до сих пор где-то как-то небезразличен. Сначала ей будет его жаль, она искренне по нему всплакнет, а потом... Когда человека больше нет рядом, все неприятные мелочи вскоре забываются, и в памяти остается только светлый образ, который зачастую начинают любить куда сильнее, чем любили реального человека при жизни. Не боишься ли ты, что, мертвый, он будет вредить тебе так же, как и живой?

– Так он по крайней мере будет молчать. А ты можешь предложить другой способ?

– Могу. Но на это потребуются деньги.

– Много?

– Примерно столько же, как и на убийство, если не больше. Думаю, похитить такого опытного бойца еще сложнее, чем просто убить.

– А потом его куда? И зачем вообще?

– Затем, чтобы его исчезновение можно было обставить как побег от чего-нибудь неблагоприятного. Например, он кого-то убил или что-то украл. Его станут искать – и не найдут, обратятся к некроманту – и узнают, что товарищ жив. А держать мы его будем... – Донья Исидора чуть повернула голову, оглядывая комнату. – Да вот хотя бы на той полочке, там как раз есть свободное место.

– Мама, ты гениальная женщина! Я бы нипочем не смог придумать так изящно и мудро! Но видишь ли, все упирается опять же в деньги, которых нет. Так что мне придется как-нибудь пережить надгробные речи и приложить побольше усилий к утешению моей дорогой подруги. А тебе придется все-таки пообщаться с тетужкой, хоть ты ее и недолюбливаешь.

– Беда с этими детьми... – опять вздохнула матушка, просматривая коротенький список. – Старая больная женщина должна мотаться по Мистралии и разыскивать каких-то неизвестных родственников...

– Разве тетужка настолько стара?

– Она ведь на два года меня старше, разве ты забыл?

– Мамочка, – умильно заулыбался Артуро, – ты у меня еще молодая и красивая, а когда мы тебя как следует приоденем, молодые кавалеры будут драться за право пройти с тобой рядом. А тетужка Хосефина вовсе не стара, она просто выглядит как корова.

– Лыстец... – улыбнулась дама и ласково поцеловала чад в макушку. – Неудивительно, что тебя так любят женщины. Разве ж тебе можно в чем-то отказать...

Судя по общему приподнятому настроению и содержанию произносимых тостов, высокие стороны о чем-то договорились. Его величество Орландо II светился от радости, как новенькая копейка, и с довольной мордой раздавал направо и налево всяческие королевские милости. Например, товарищу Кантору достался какой-то здоровенный орден, похожий на стилизованное солнышко. Судя по реакции публики, награда тянула не меньше чем на Героя Советского Союза, но сам награжденный почему-то отнесся к событию без особенного восторга. Наверное, потому, что как раз во время вручения у него начался очередной приступ. Диего, как обычно, промолчал и не признался, но Ольга уже научилась замечать скрываемую боль в глазах и характерное изменение походки. В такие моменты мистралиец начинал двигаться так, словно у него на голове стоит шаткий, неустойчивый сосуд с водой, которую ни в коем случае нельзя пролить.

Заметил это и почтенный Хирон, который, как оказалось, тоже был в курсе загадочного проклятия. И не только заметил, но даже предложил помощь и укоризненно поинтересовался, отчего молодой человек стесняется обратиться к нему со своей проблемой, ведь мэтру ничего не стоит наложить столь простое заклинание.

– Я стараюсь пореже прибегать к помощи магов, – признался Диего. – Ведь часто пользоваться таким заклинанием нельзя, а приступы у меня постоянно.

– Когда вы в последний раз обращались к магу?

– Примерно неделю назад.

– Тогда никакого вреда не будет, – заверил кентавр и всего за несколько секунд избавил застенчивого пациента от страданий. – Вот и все на сегодня. А как продвигаются ваши поиски той таинственной особы, на которой вы должны жениться?

Диего неловко покосился на Ольгу, у которой, разумеется, все полагающееся изумление было написано крупными буквами на лбу, и неохотно ответил:

– Пока никак.

Почтенный Хирон тоже заметил реакцию девушки, что-то сообразил и не стал вдаваться в подробности, только уточнил:

– Мэтр Максимильяно вас уже смотрел?

Диего молча кивнул, и на этом тему свернули, опять вернувшись к нравам и обычаям орков.

«Все страньше и страньше... – невольно подумала Ольга, пытаюсь переварить и усвоить только что услышанное. – Что еще за женитьба, что за особа, почему ее надо искать, и с какой радости Диего вместо этого лезет в наши с Артуро отношения? Или он хочет и там, и там отметиться? Как говорил Жак, у всякой порядочной женщины должен быть муж и любовник. К мужчинам это применимо в еще большей степени. Тем более когда одну он „должен“, а другую „хочет“. Нет, надо как-то выяснить это все точно. А то любезный мой Диего чем дальше, тем сильнее завирается».

Уже под самый конец обеда, когда подавали кофе, случилось еще одно непонятное событие, заинтересовавшее Ольгу. Тот самый представительный дяденька, который вместе с Диего и Мафеем так обломал бедную принцессу, вышел на середину зала и сделал заявление. Вся остальная публика вроде бы поняла, о чем речь, а вот Ольга опять осталась в недоумении.

Граф зачем-то принес официальные извинения его величеству Орландо, товарищу Кантору и всем, кого обидел или смутил своими беспочвенными подозрениями. Он публично признал, что заблуждался, но теперь ему открыли глаза, представив неоспоримые доказательства. В заключение он выразил готовность честно служить королю, как служили двадцать три поколения его предков, и произнес какие-то церемониальные клятвы. Ольга так и не поняла, к чему это все было, но большинство присутствующих отреагировало положительно, значит, все-таки к лучшему. Орландо и вовсе прослезился от полноты чувств, рассыпался в ответных славословиях и даже обниматься полез. А вот дальтоник с оранжевым платочком и его одноглазый соратник, похожий на господина Теофила, напротив, отчего-то скисли. В этой политике никогда ничего не разберешь, кто, кого и за что... Надо будет потом как-нибудь у короля спросить, что такого обидного сделал граф Гаэтано Кантору и всем прочим. И что такое ему показали, что он вдруг резко бросился извиняться. И при чем тут Мафей? О, а это, кстати, мысль! Лучше спросить Мафея! Король может и не сказать, только посоветует в очередной раз не лезть в политику. А вот Мафей

врать так и не научился.

После обеда начались танцы, игры и прочие увеселения. Гости расплзлись по интересам. Кира села играть в карты с двумя гномами и в Ольгиных развлекательных беседах не нуждалась. Почтенный Хирон завершил этнографическую лекцию и направился пообщаться с другими знакомыми. Диего, будто нарочно стараясь избежать расспросов, опять шустро смылся и повлек танцевать какую-то даму из свиты королевы Глафиры. Ольга, оставшись в одиночестве, завертела головой по сторонам, выискивая Мафея, но юный принц, как назло, куда-то подевался. Зато, едва только она успела просмотреть гостей за карточными столами и перейти к поискам среди танцующих, рядом с ней нарисовался тот самый опасный господин с одним глазом. Вот не было напасти! Хоть бы не забыться да не назвать его Теофилом... Как же его на самом деле зовут?..

– Ваш кавалер не отличается воспитанностью, – произнес одноглазый, наблюдая за танцующими парами. У него и голос был, как у кота!

– Моего кавалера здесь нет, – нахмурилась Ольга.

– Что ж такое? Его не пригласили?

– А вам какая разница?

Ответ прозвучал несколько невежливо, но, если подумать, так и вопрос был не лучше. Да и чего пугаться; как бы ни был опасен «господин Теофил», не зарежет же он ее посреди зала при куче народу за непочтительное обращение. Им и общаться-то осталось недолго, так как всевидящий господин Флавиус уже скользит сюда и секунд через десять провокационный разговор прервет.

Одноглазый чуть прищурился и кивнул туда, где кружились в танце Диего с поморской дамой.

– Простое любопытство. Но если это не ваш кавалер, то что он мог делать у вас дома в ваше отсутствие?

– Простите, что за глупости?

– Вот именно, – тихо произнес за спиной «Теофила» подоспевший глава департамента. – В вашем возрасте, при вашем положении приставать к юным девушкам с подобными глупостями...

– Вам не кажется, что вы перепутали меня с мэтром Максимильяно? – холодно отозвался мистралиец. – Это он пристаёт к каждой даме, какую увидит, с непристойными предложениями. А мы всего лишь беседуем, и вы нам мешаете.

Кто-то бесшумно подкравшийся сзади бережно подхватил Ольгу под локоток и с откровенной издевкой промурлыкал:

– Как это низко и дешево – пытаться увлечь даму, рассказывая всевозможные гадости о других кавалерах! Прелестная донья, разве приглашение на партию в шахматы покажется вам непристойным?

Ольга быстро оглянулась в полной готовности как согласиться, так и заявить, чтобы не смели лапать, и наткнулась на хитрые глаза придворного мага Мистралии. И скажите после этого, что бога нет!

– Только не от вас, почтенный мэтр! – кокетливо улыбнулась она и, аккуратно высвободив локоть, вложила в руку кавалера кончики пальцев. Мэтр с удивительной для его возраста резвостью приложился к ним губами. – Прошу нас извинить, господа. Я давно обещала мэтру Максимильяно партию в шахматы.

– Вы умеете играть в шахматы? – с ядовитейшим удивлением спросил раздосадованный «Теофил». Уже без особой надежды вернуть ускользающий источник информации, скорее из мелкой вредности.

– А что, у вас в Мистралии специально растят девушек необразованными, чтобы легче было их дурами считать? – выпалила Ольга первое, что пришло в голову, и, напоследок невинно похлопав глазами, направилась в сторону столиков для игр.

Придворный маг лукаво улыбнулся и шепнул:

– Не бойтесь. Господин Флавиус теперь не выпустит Астуриаса из-под наблюдения. Вон, как я вижу, и наша контрразведка спешит на помощь...

– Мэтр... – так же шепотом отозвалась Ольга, – я-то умею, но очень плохо...

– Ничего страшного. Кто станет анализировать нашу партию, когда за соседним столиком играет Шеллар Третий с нашим министром безопасности короны? Как ходят фигуры, знаете?

– Да.

– И достаточно. Игра будет только прикрытием, под которым мы с вами поболтаем ко взаимному удовольствию. Прошу.

Он галантно придвинул для Ольги стул, уселся напротив и, не глядя, двинул пешку.

– И о чем же? Вы тоже, как и маэстрина Аллама, хотите расспросить меня о проклятии?

– Нет. На проклятия я предпочитаю смотреть, к тому же эта история мне уже известна. Кстати, спрашивать меня о возможном местонахождении Эль Драко так же бесполезно, как и Алламу. Вообще, тему вашего «мертвого супруга» я сразу объявляю закрытой. Если вам действительно нужно зачем-то его найти, это надо сделать без советов и наводок. Хотя я не представляю, для чего он мог вам понадобиться именно сейчас, учитывая, что вы знаете о его отношении к вашему нынешнему кавалеру. Итак, об этом мы говорить не будем. Зато я вижу, что вы не поняли многое из происходящего сегодня и хотели бы услышать объяснения, а просветить вас ни у кого не находится времени. Также не сомневаюсь, что вас, как и всех, интересует подозрительное сходство между мной и одним молодым кабальеро.

– А это не запретная тема? – тут же заинтересованно уточнила Ольга.

Успев рассмотреть мага поближе, она невольно поймала себя на мысли, что этот почтенный мэтр ей нравится даже больше, чем его молодая копия. Хотя годы явственно проступали сквозь знакомые черты, мэтр Максимильяно относился к тому типу людей, которых не уродует возраст. Морщины легли на его лицо со странной гармоничностью, россыпь седины во все еще густых волосах только придавала особый шарм, а фигура до сих пор не страдала традиционными отложениями сала на том месте, куда заливают пиво. Да, он был чертовски

похож на Диего, только в отличие от вероятного потомка пребывал в полном душевном равновесии, и в глазах его светилась мудрость, до постижения которой потомку еще расти и расти.

– Для вас – нет.

– А почему именно для меня? – Ольга так растерялась, что и о шахматах забыла.

– Например, потому, что между вами и Диего накопилось слишком много недосказанного, и эта растущая гора мелких ежедневных обманов и умолчаний портит ваши отношения куда основательнее, чем Артуро Сан-Барреда. Конечно, всего я не скажу даже вам, но вопрос, отчего мы с Диего так похожи, перестанет терзать ваше любопытство.

– Так что, вы всем лапшу вешаете, а на самом деле точно знаете?

– Маги нашей школы способны чувствовать родство, и мне совсем не обязательно вспоминать давние похождения, чтобы определить свою кровь. Но вы ходите, ходите.

– А... ага... вот... А он знает?

– Он ведь унаследовал мою Силу, значит, должен чувствовать то же самое.

– И молчит?

– Полагаю, стесняется.

– А вы почему не признаетесь?

– А зачем? Столько лет он прекрасно обходился без меня. Какой смысл обретать отца, чтобы через полгода опять потерять навсегда? Я ведь здесь ненадолго и скоро опять уеду. Родовой замок, который я мог бы передать в наследство, Диего и так получил за особые заслуги перед короной. А отношения, которым все равно суждено скоро прерваться, не стоит и заводить, чтобы потом не тосковать. Если моему сыну нужна какая-нибудь помощь, я готов сделать все, что могу. Но, к сожалению, могу я не так много. Разве что разобраться в его

проклятии и дать консультацию. Как обычному клиенту.

– Так вы разобрались? – заинтересовалась Ольга и даже забыла посмотреть на доску, когда передвигала коня. – И что там? Почему он никому не говорит?

Мэтр Максимильяно поправил фигуру и задумчиво затеребил кончик косы.

– Мне кажется, от излишней скрытности больше всего страдает он сам. Зачем нужно скрывать суть своего проклятия, кому какой вред от того, что друзья будут знать способ помочь? Не понимаю.

– А в чем суть?

– В том, что несколько лун назад боец Кантор подстрелил Горбатого. Но не насмерть, а только обеспечил господину наместнику продолжительную головную боль. Расстроенный маг тут же и вернул должок.

– А как теперь с этим быть?

– Чтобы снять проклятие, Диего должен найти некую особу женского пола, которая в тот же день немного раньше тоже стреляла в Горбатого, и жениться на ней.

– Ой!..

– Вот именно, «ой». Когда Шеллар с Кирой рассказали ему, как вас похищали, он тоже все понял. И замолчал. Ну и как, по-вашему, он прав?

– Не прав! – решительно вскрикнула Ольга. – Надо было сразу сказать! Да что я, стерва какая?.. Он что, подумал, что я...

– Тише, не надо кричать. Все это вы можете сказать ему самому. Лучше поведайте мне, чего от вас хотел Астуриас?

– Да бред какой-то нес... Намекал, будто Диего бывает у меня дома, когда меня там нет... Что за ерунда?

Придворный маг вдруг заразительно, по-юношески засмеялся.

– Как говорит в таких случаях ваш король? «Из-за недостатка информации или ее же утечки». Я, конечно, не Шеллар, но, кажется, могу объяснить суть недоразумения. Где сейчас живет Диего?

– А, в моей старой квартире!

– Вот-вот. Когда сегодня ему понадобилось уединиться для беседы с графом Гаэтано, куда еще Диего мог пригласить гостя, кроме как домой? А чтобы Мафей определился с ориентирами, ему четко объяснили – в Ольгину квартиру на такой-то улице. Когда минуту спустя Астуриас спросил принцессу Жанну, куда девались господа, что она ему ответила? И какой вывод он из этого сделал, не зная истинного количества ваших квартир? Вот и все объяснение.

– Действительно, как просто! – восхитилась Ольга, мысленно упрекая себя в скудоумии. – А зачем им понадобилось уединяться? И в чем был смысл выступления после банкета? Я ничегошеньки не поняла, кого там этот граф обидел и за что извинялся...

Мэтр охотно разъяснил суть заблуждений представительного дяденьки, и Ольга поняла наконец, почему все так обрадовались, когда он от них отказался. Однако в политических наворотах, сопровождавших указанные события, она быстро запуталась. Может быть, из-за того, что мысли ее все время возвращались к Диего и его проклятию. Почему, ну почему он промолчал?! Если ты сбежал от девушки и она на тебя обиделась, это же не значит, что она злорадно насмеется над твоей проблемой и откажет в помощи! Пусть беглецу и не стоит теперь рассчитывать на прежнюю любовь, но можно же как-то выкрутиться! И чтоб у нее последние волосенки повылезли, если король не знает как!

За этими размышлениями Ольга быстро потеряла нить разговора. Пришлось останавливать собеседника и переспрашивать, чтобы потом не выглядеть душой.

– Постойте, значит, этот да Коста со своим Теофилом... то есть Астуриасом... хотели привлечь на свою сторону Гаэтано... и для этого им понадобился Диего?

– Вы все правильно поняли. Сам Диего, конечно, не распространяется о таких вещах, но его один раз пытались похитить и один раз подсылали профессиональную соблазнительницу.

– А конкуренты из другой партии узнали об этом от своих шпионов и побоялись, что этот дальтоник действительно усилит свои позиции. Поэтому они хотели Диего убить?

– Абсолютно точно. Сами понимаете, объекту их стремлений такие расклады не особенно нравились. Диего вполне способен за себя постоять, но он опасался за вас. Поэтому и решился открыть глаза графу столь радикальным способом.

– Он открыл ему свое настоящее имя и предъявил какие-то доказательства, я поняла. А какие?

– Я при этом не присутствовал. Возможно, некие документы или особые приметы, о которых было известно. Скорее всего, именно это и хотел от вас узнать Астуриас, а высказанная им глупость была лишь способом завязать разговор.

– Хотел удостовериться, что их затея накрылась одним местом? – машинально откликнулась Ольга, пытаясь понять, нарочно ли мэтр так хитро на нее посмотрел, когда упоминал об «особых приметах».

Это действительно был намек или она просто заикнулась на своей идее с растворителем и каждую похожую мелочь воспринимает как подтверждение?

– Или поискать зацепки для обратного разубеждения, – добавил придворный маг. – Гаэтано – фигура влиятельная, и его конфликт с короной многим был на руку. Теперь же, когда он открыто поддержал короля, сколько надежд оказалось разбито! Что забавно, Диего нипочем бы не поступил так, как поступил, ради блага короны. Но без колебаний пошел на это ради вашей безопасности. Впрочем, напрасно он надеется, что от него так быстро отстанут. Боюсь, Астуриас не успокоится. Рано или поздно Диего придется предъявить свои «доказательства» публично перед всей Мистралией, чтобы его перестали рассматривать как возможную карту в политической борьбе.

Мэтр Максимильяно неожиданно замолчал и хитро прищурился куда-то поверх головы собеседницы. Пока Ольга наскоро соображала, не будет ли невежливым обернуться и проследить, на что это мэтр так уставился, где-то в вышине раздался знакомый голос:

– При всем моем уважении, почтенный мэтр, попрошу вас не забивать Ольге голову всевозможными тонкостями мистралийской политики. Я сам в состоянии просветить ее по вопросам такого рода. Кстати, Ольга, чего ты раздумываешь?

Его величество бесцеремонно перегнулся через девушку и подвинул ладью.

– Шах. И на следующем ходу мат.

– Пойдите, пойдите... – спохватился мистралиец и напряженно уставился на доску, проверяя нахальное предсказание Шеллара.

Король неторопливо выпрямился и, видимо не собираясь никуда уходить, полупшепотом обратился к своему спутнику:

– Если мои расчеты верны, провокация должна получиться качественная. Я подбросил информацию заинтересованному лицу, и она должна дойти по адресу. Мендоса – человек отчаянный и свято чтит традиции кровной мести. Узнав имя убийцы брата, он непременно пожелает отомстить лично и вылезет на свет. Главное, позаботьтесь, чтобы его не упустили. Я назвал реальное имя и не хочу подставлять человека.

– Пойдите... Старшего Мендосу застрелил Наранхито, я сам его инструктировал и отлично помню. И так же отлично помню, как он пару лет назад сорвался и умер от передозировки.

– Господин Сур, когда я говорил о «реальном имени», я имел в виду, что человек реально существует. А не то, что речь идет именно о настоящем виновнике.

– Думаете, обман пройдет незамеченным?

– Господа работали схожими методами, должен пройти.

– Опять постойте... Но кроме покойного Наранхито такими методами работал только...

– Без имен! Тем более... гм...

– Простите, я понял. Но вы хоть предупредили этого человека?

– Завтра же предупрежу и возьму под наблюдение. Об этом не беспокойтесь.

Мэтр Максимилиано, удостоверившись в безвыходности положения, огорченно подергал себя за косу и официально сдался. После чего вдруг заявил, что ему крайне необходимо посмотреть на Ольгино проклятие, для каковой цели им следует уединиться в его лаборатории.

– С вашей репутацией приглашать девушку в свои покои! – не преминул съязвить Шеллар. – Вы не подумали, как выглядит ваше приглашение?

Старый хитрец одарил короля снисходительным взглядом, улыбнулся Ольге и серьезно объяснил:

– Оно означает именно то, чем выглядит.

– Ну вы и наглец.

– Не более чем вы. Не стойте у девушки над душой, вы ей мешаете.

– Ольга, я тебе настоятельно не рекомендую, – посоветовал напоследок его величество и, посчитав старого нахала достаточно посрамленным, направился прочь.

Мэтр только усмехнулся.

Ольга растерянно повертела головой и, наплевав на этикет, крикнула вслед уходящему королю:

– А почему?!

Тот приостановился, оглянулся через плечо и наставительно сообщил:

– Потому что Кантор взбесится.

– Как это низко... – досадливо поморщился старый ловелас. – На мой взгляд, если Диего приревнует, это только пойдет ему на пользу.

– Ой нет! – испугалась Ольга. – Лучше не надо. Он и так весь изревновался. Не надо. Тем более что он как раз сюда идет.

К ним действительно торопливо приближался Диего. Кабальеро уже натанцевался и торопился вырвать охмуряемую даму из грязных лап папенькиной репутации.

Придворный маг оглянулся и начал выбираться из-за стола.

– Что ж, полагаю, в компании Диего вам не грозит навязчивое внимание нашей оппозиции. Приятно было познакомиться.

– Мне тоже.

Мэтр улыбнулся и испарился прежде, чем встревоженный сын приблизился к столику.

Ольга успела только заявить о необходимости серьезного разговора. Диего вовсе ничего не успел сказать. Подбежал Мафей и сообщил, что делегация собирается домой, так как у Киры разболелась голова, а у Шеллара еще куча дел. Если кто хочет развлекаться дальше, надо подойти к Мельди и договориться о времени.

Кому как, а Ольге уж точно давно расхотелось развлекаться. Судя по кислой физиономии дона Диего, ему тоже.

Едва Ольга с Кантором, наскоро попрощавшись, исчезли в телепорте, Шеллар III принялся тормозить своего придворного мага:

– Мэтр, срочно пойдите к зеркалу! Я обязательно должен видеть, что сейчас будет!

– Ваше величество, это неэтично! – возмутился наставник, но король перебил его на полуслове:

– Вы разве не обратили внимания, какое многообещающее выражение лица было у Ольги? Она явно или что-то узнала, или до чего-то додумалась! И домой к Кантору напросилась специально, чтобы об этом поговорить! Я должен видеть, до чего они договорятся! Если помирятся, то неэтичную часть действия мне показывать и не надо. А если поссорятся да Кантор отмочит какую-нибудь непоправимую глупость, которая первой стукнет в его контуженую горячую голову? Если потребуется срочно вмешаться, чтобы его остановить?

– Что же я буду делать, когда вы доживете до возраста вашего дедушки? – посетовал мэтр Истран и все-таки повиновался.

– Почему ты молчал? Почему не сказал мне сразу? Ты же знал! Ты давно знал!

– Неправда. – Кантор сидел спиной к Ольге и медленно, словно изыскивая повод подольше не оборачиваться, складывал дрова в камин. – Я только по приезде узнал, что речь идет о тебе. Когда мне король рассказал о ваших полетах на пьяном драконе.

– Но почему нельзя было сказать? – Ольга взволнованно металась по комнате, комкая в руках плащ. Ей не хватало слов. – Неужели я какая-то стерва бесчувственная, чтобы заставлять тебя всю жизнь мучиться? Можно же что-то придумать. Например, быстро расписаться и тут же развестись. У вас же можно разводиться, я знаю. Зачем надо было вот так молчком, тайком, не признаваясь, лезть в мою личную жизнь и преследовать моего парня? И все только потому, что тебе нужно избавиться от проклятия!

– Не потому, – тихо, через силу выговорил мистралиец, по-прежнему не оборачиваясь.

– Диего, почему я должна тебе верить? Один раз ты меня уже обманул. А может быть, и не один. Может быть, ты лгал мне все то время, что мы с тобой знакомы.

– Нет.

Бойкий маленький огонек спички исчез в складках скомканного бумажного листа, весело полыхнул, разрастаясь, и переполз на сухие поленья.

– А если мы проверим? – Ольга остановилась, суетливо порылась в сумочке и с громким стуком выставила на стол крошечный пузырек. – Может, я правда дура, напридумывала себе бог весть что, а вы действительно только братья.

Кантор наконец обернулся, уставившись на нее с осторожным недоумением.

– Братья? Ты о чем? Вроде бы познакомиться с Амарго ты никак не могла...

– Не знаю, о ком ты и при чем тут он...

– Это он постоянно твердит, что мы с его величеством – братья, – пояснил мистралиец, поднимаясь. – Но если ты не о том...

Он внезапно осекся и медленно перевел взгляд с Ольги на пузырек. Потом обратно. Даже в полумраке неосвещенной комнаты было видно, как резко посерело его лицо и как мелькнула в глазах тень скрываемого страха.

– Я вот об этом, – неумолимо продолжила Ольга, указывая на злосчастную склянку. – Если ты действительно меня не обманывал, ты позволишь проверить мои подозрения. Ты сейчас снимешь рубашку, сам подставишь мне правое плечо, и мы посмотрим, что будет, если его протереть растворителем для волшебной краски. Если ты откажешься, значит, я была права и ты полгода вешал мне лапшу на уши. Не говоря уж о всяких снящихся мертвых мужьях.

За окнами стремительно темнело, и выражения лица Кантора уже невозможно было разглядеть. Только неподвижный профиль в отблесках огня, поникшие плечи да судорожно сцепленные пальцы.

– Ты же сама понимаешь... – выговорил наконец он. Два шага до стола были так тяжелы и медленны, словно каждый сапог весил пару десятков стоун. – Я не должен был... Никому... Даже тебе...

– Значит, все-таки правда? И после этого я должна тебе верить?

– Ты же знаешь почему... Мы не имели права... И не по собственной прихоти отказывались от имен...

– Но мне-то можно было сказать! Хоть намекнуть! Ведь король стопроцентно знал! И, наверное, не только он! Одна я, как дура, в лапше ходила!

Кантор приблизился еще на шаг и остановился почти вплотную, не решаясь прикоснуться.

– Знали только те, кто догадался сам. Теперь и ты знаешь.

– Спасибо за доверие. – Ольга горько усмехнулась и расправила скомканный плащ. – Только теперь немножечко поздно. А отмазки насчет конспирации уже пару лун как не катят. Ты мог хотя бы неделю назад признаться и не морочить мне голову сказками о покойниках, приходящих в снах.

– После того как ты сказала, что мне нет места в твоей жизни?

– Можно подумать, если бы я встретила тебя с расprostертыми объятиями, ты бы признался! Знаешь, как это все выглядит со стороны? Ты бросил меня, когда я тебе надоела, и вернулся, когда тебе что-то от меня понадобилось. Но даже тогда, вместо того чтобы во всем признаться и честно попросить о помощи, продолжал бессовестно лгать.

– Нет! – Кантор внезапно рванулся вперед, крепко схватил ее за плечи и приблизил к себе, так что их глаза оказались почти рядом. – Я прекрасно знаю, что ты не отказала бы мне в помощи, если бы я попросил. Но мне не нужно то, что ты предложила. Мне нужна ты. Не липовый брак, не избавление от проклятия, а ты и твоя любовь.

– Отпусти меня! – потребовала Ольга, из последних сил сопротивляясь желанию обнять этого обманщика, который сам не знает, чего хочет, но знает ее слабости и нагло этим пользуется.

– Прости... – Он разжал пальцы и немного отстранился. – Думай, что хочешь. Но я говорю правду.

– Ты тоже прости, – отозвалась она. – Но верить тебе после всего этого было бы верхом наивности. Если передумаешь насчет проклятия, можешь обращаться в любой момент. Как бы я ни обижалась, я не садистка какая, чтобы заставлять тебя мучиться. Но не смей больше лезть в мою жизнь! И оставь в покое Артуро!

Кантор повернул выключатель, и осветительный шар разогнал темноту, придавая жизни ясность и определенность.

– Я не передумаю. Головная боль – ерунда по сравнению с жизнью без тебя. Я не лез в твою жизнь и не буду впредь, я просто подожду. Теперь нас связывают сразу два проклятия, и рано или поздно все случится само собой. А что касается Артуро... Я обещал его не трогать и не отказываюсь от своего слова. Но причина моей ненависти не в тебе, и тут ты ничего изменить не можешь. Я не перестану считать его подлецом, не забуду и не прощу.

– Диего, – устало вздохнула Ольга, – что бы там у вас ни случилось, ведь сколько лет уже прошло! Люди меняются. Посмотри, каким стал ты сам. Почему он не мог измениться?

– Пока что он не сделал ничего, что изменило бы мое мнение о нем, – упрямо наклонил голову Кантор. – А если ты сама видишь, каким я стал, тебе должно быть понятно, почему я так не хотел раскрывать свою тайну. И также должна понимать, что, если ты кому-нибудь об этом скажешь, мне останется только застрелиться.

Ольга невольно вздрогнула, вспомнив давний разговор в первый вечер знакомства. Диего смотрел прямо в глаза, и в них она ясно видела смерть, и ничего более. Только не свою.

– Я не скажу, – понизив голос, чтобы не дрожал, пообещала она. – Ты сам скажешь. Поедешь к матери и скажешь, скотина бесчувственная, как можно так

с матерью... И маэстро Карлосу скажешь. Сам. Я не смогу молча смотреть, как он мучается, а ты над ним издеваешься. А я никому не скажу.

Кантор опустил глаза и молча кивнул.

– Хорошо.

– Тогда до свидания. Провожать меня не надо.

– Напрасно ты так... Лучше бы я все-таки тебя проводил.

– Лучше посиди дома и подумай над своим поведением, – сердито отмахнулась Ольга и ушла, оставив морально уничтоженного мистралийца наедине с его невеселыми мыслями.

Провожать! Вот еще! Не хватало, чтобы он увидел, как она плачет!

– Нет! Подождите! – спохватился король, всматриваясь в гаснущее зеркало. – Мэтр, почему вы...

– Имейте совесть, ваше величество, – строго отозвался придворный маг. – Как вы полагаете, объект вашего наблюдения желал быть увиденным в... гм... такой момент?

– А если он и в самом деле застрелится?

– Если узнает, что его видели в слезах, то несомненно. Оставьте его в покое.

– Кто сказал Ольге о проклятии? О том, кто такой Кантор, она догадалась сама – хвала богам, через полгода додумалась. Но кто ей сказал обо всем остальном? Неужели мэтр Максимильяно?

– Полагаю, именно так и есть, – неторопливо произнес старик.

– Но зачем? Он что, не понимал, к чему его откровенность приведет? До сих пор он казался мне умным человеком.

– Он не только умен, но еще и мудр.

– Мне кажется или вы действительно одобряете его поступок? Единственный результат, который я вижу, – Ольга с Кантором рассорились окончательно, она удалилась, подозрительно шмыгая носом, а отважный кабальеро всхлипывает, уткнувшись лбом в стену, и шепчет что-то нелестное о почтенном родителе.

– Вы поймете позже. И он тоже поймет. Все, что произошло, – только к лучшему. Постоянные тайны, окружавшие персону дон-Диего, порождали недомолвки, вынуждали лгать и препятствовали взаимопониманию. Они с Ольгой оба страдали от недостатка откровенности, теперь же настало время, когда они могут сказать друг другу все, ничего не скрывая.

– Только теперь они этого не хотят, – проворчал король. – И я все равно опасаюсь за Кантора. Может, послать Жака к нему гости? Как бы ненамеренно...

– Оставьте вы в покое бедного мистральица. Не нужно никого посылать. Только испортите все.

– Но вы точно уверены, что завтра утром мы не обнаружим в квартире труп с дыркой в голове?

– Я уверен, – хитро улыбнулся придворный маг, – что завтра утром вы обнаружите предмет вашего беспокойства сладко спящим за столом в обнимку с гитарой, среди исписанных нотных листов...

Глава 4

Незнайка пришел домой и сразу принялся сочинять стихи. Целый день он ходил по комнате, глядел то на пол, то на потолок, держался руками за подбородок и что-то бормотал про себя.

Н. Носов

Что делать, когда в твоём маленьком личном мире наступает конец света?

Когда в одночасье ломается и рушится твоя жизнь, когда летят в мрачную ненасытную бездну обломки всех твоих надежд и радостей, а ты остаешься, раздавленный равнодушным каблуком судьбы, под грудой мусора и пыли, наедине со своей болью и мучительной пустотой внутри?

Когда каждая минута твоего существования кажется бессмысленной и бесконечной и нет впереди ничего, ради чего стоило бы жить?

Когда начинает казаться, что даже «никак» будет лучше, чем «так», когда покой небытия видится соблазнительным, и рука сама невольно тянется за спину, и твердая, холодная, хорошо смазанная смерть ложится в ладонь привычной тяжестью...

Наверное, стоит оглянуться. Вспомнить, что все это не ново и так уже бывало, и даже хуже. Что есть люди, которым пришлось куда тяжелее, чем тебе, и они все же с этим живут. Вспомнить, наконец, что кроме утраченной любви у тебя есть хорошие друзья, один из которых, может быть, и заплачет, а вот другой преисполнится презрения и перестанет уважать. А главное – у тебя есть замечательные, несравненные, отличные враги, которым ты конечно же не собираешься оказывать ценных услуг.

А все то, что болит, и жжет, и рвет на части, и обдирает сердце на лохмотья, – все это надо поймать и перелить в звук, вот в такой, например... Нет, на пару тонов выше... и медленнее... Проклятье, только что здесь лежала бумага!.. Ни хрена не найдешь в этой комнате, словно здешний домовый никак не может забыть прежнюю хозяйку! Впрочем, его можно понять. Разве такую забудешь...

Каково это – вот так разочароваться в человеке? Если подумать, так даже в двух.

Каково сознавать, что мужчина, которого ты любила, которому верила без малейших сомнений, которого считала образцом мужества, честности и

самоотверженности, на самом деле – обычный обманщик, легко принесший любовь в жертву собственной выгоде?

Каково в триста двенадцатый раз вспоминать, что в твоём возрасте неуместно верить в сказки? Ведь отважный воин и легендарный бард, совместившись в одном человеке, оказались лишь красивой сказкой, где все совсем не так, как в жизни. Это в сказках они совершают подвиги и вдохновенно творят, а любят исключительно возвышенно и бескорыстно. В жизни же они ради грядущих подвигов легко переступают через женщину, впихиваются в театр по блату, трахаются с кем ни попадя и лгут, лгут, бесстыже и бессовестно, не останавливаясь перед откровенной клеветой, лишь бы получить желаемое...

А та безумная любовь, что превратила в сплошную сказку полгода жизни, – действительно ли она была настоящей, или же прав Артуро, предполагая, что магически одаренный товарищ Кантор банально приворожил понравившуюся девушку? Если подумать, то очень даже вероятно, и сразу находится объяснение многим странностям. Начать можно с того, что, будучи в здравом рассудке, она ни за что не связалась бы с убийцей, сколько бы при этом ни выпила. Становится понятным и резкое обострение депрессии, когда он ушел из ее дома в первый раз. И самое главное – как раз по этой причине ее до сих пор к нему тянет. Правда, с другой стороны, если все было так, неужели никто не заметил? Ни король, ни его придворный маг? Его величество еще мог бы смолчать, решив, что так для Ольги лучше, но честнейший поборник нравственности мэтр Истран – никогда. И сам бы не смолчал, и королю бы не позволил. Разве только предположить, что старик не смог разглядеть приворота из-за чуждости Силы, или там какая-нибудь слишком уж неклассическая методика... Сходить, что ли, в библиотеку да самой в справочниках поковыряться? Уже просто любопытно становится, хочется разобраться и расставить все по местам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pankeeva_oksana/pesnya-na-dvoih

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)